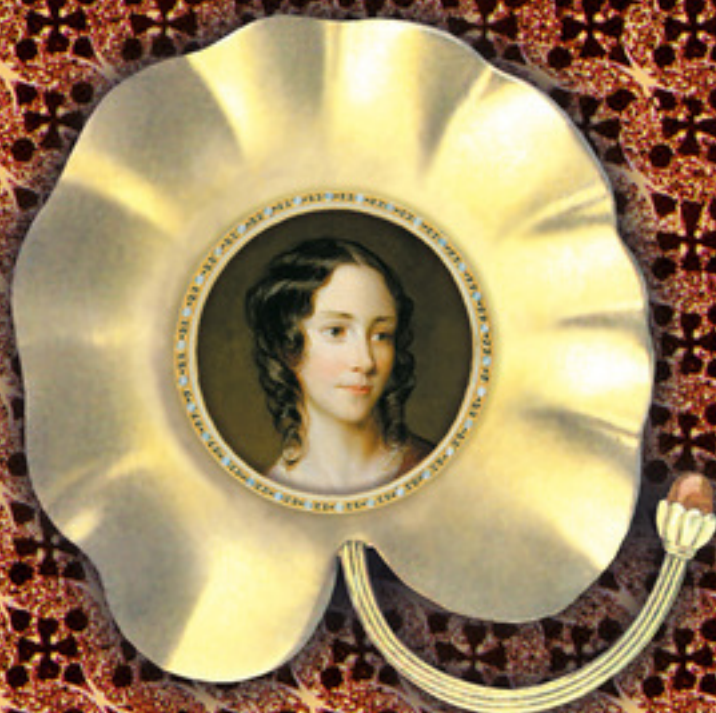

Любовный
ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Елена
АРСЕНЬЕВА
Страсть сквозь
ВРЕМЯ

Елена Арсеньева

Страсть сквозь время

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Страсть сквозь время / Е. А. Арсеньева — «Автор»,

ISBN 978-5-699-29096-3

1812 год, Россия. Французская армия вот-вот будет в Москве. Спасая раненого жениха, русского офицера Алексея Рощина, самоотверженная дворянка Ирина Симеонова тайными тропами везет его в свое лесное имение. Благодарный за спасение, Рощин надевает страстно обнимающей его девушке фамильное кольцо. Но что это? Под рогожей с офицером оказалась не Ирина, а незнакомка, назвавшаяся кузиной Жюли... Конфуз. Правда, Жюли невероятно бойка, ее острый язычок и смелость помогают беглецам уйти от французов. Но откуда она взялась и почему ее горячие объятия так волнуют чужого жениха?..

ISBN 978-5-699-29096-3

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Глава 1 Ключ	6
Глава 2 Дверь	15
Глава 3 Прогулка	20
Глава 4 Новые наряды	27
Глава 5 Поцелуй с незнакомцем	31
Глава 6 Попутчики	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Елена Арсеньева

Страсть сквозь время

В былые времена она меня любила...

Денис Давыдов

Глава 1 Ключ

– Ну вообще-то, я думал, вы авантюристка какая-нибудь, – высокомерно улыбаясь, проговорил клиент.

Лидия вскинула брови:

– Отчего же вы так думали?

Она не сомневалась, что голос ее звучит не менее высокомерно, чем голос клиента. А то и более. Во всяком случае, она постаралась, как могла.

– Ну понимаете... – Клиент смерил ее взглядом и замялся, словно многоточие поставил. – Реклама ваша... Как-то это, понимаете ли... – Он пожал плечами раз, а потом и другой.

Лидия тоже пожалала плечами и тоже дважды. Ей как-то приходилось слышать о нейролингвистическом программировании, и она запомнила, что среди его видов существует так называемое кинематическое. А может быть, кинетическое. А может быть, как-то иначе оно называлось, но точно на букву К. Да не в букве дело, а в том, чтобы, в точности повторяя жесты и телодвижения собеседника, таким нехитрым кинетическим (или все же кинематическим?!) способом его к себе расположить, внушить ему полное доверие и глубокую симпатию к своей персоне. Это для Лидии было очень, очень важно, ведь сей господин – по фамилии Рощин, по имени Алексей, по отчеству Васильевич – был ее первым клиентом. И Лидия загадала: если она с г-ном Рощиным А.В. отработает как надо, стало быть, и замысел ее удастся, и дело пойдет. По принципу «хорошее начало полдела откачало!».

Строго говоря, она очень хорошо понимала смысл клиентских нерешительных многоточий и пожатий его плеч. Сдержанная, неброская реклама, которую Лидия разместила на городском форуме pp.ru, была лаконична: *«Ключ к тайне». Составляю родословные, рисую генеалогическое древо семьи. Исследую историю вашего рода, семейные секреты ваших предков»,* – однако, на взгляд человека понимающего, несла в себе массу самой завлекательной информации. В наше время, когда множество народу вдруг дуром разбогатело и сочло, что рабоче-крестьянское происхождение для них уже неактуально и даже, воля ваша, где-то некомильфо, спрос на внушительные родословные очень резко повысился. Бытие по-прежнему определяет сознание, и вполне объяснимо желание какого-нибудь нувориша, накачавшего на свой банковский счетец сумму со множеством нулей, облагородить мраморные или, условно говоря, палисандровые стены своего особняка не просто черно-белыми слепыми фотографиями прадедушки в плисовых штанах и сапогах бутылками, имеющего на голове картуз, а под мышкой – бутафорскую трехрядку, и прабабушки в сборчатой кофте, в ботинках с ушками и с жидкими волосиками, сожженными на висках перекаленными щипцами, а портретами так называемых *предков* в пудренных париках и жабо, в эспаньолках и пенсне, в шляпах с перьями и в золоченых брабантских манжетах (это если речь идет об особах мужского пола), а также в декольте, открывающих покатые, непременно покатые плечи и беломраморные, непременно беломраморные груди, в буклях а la gresque, кринолинах или турнюрах, фермуарах и склаважах (это ежели речь об особах пола дамского). Насколько знала Лидия, в обеих столицах генеалогический бизнес расцвел уже просто-таки махровым цветом, в конторах по выращиванию генеалогических древ трудились, аки пчелки, архивариусы всех мастей, порою не только с кандидатскими, но даже и профессорскими званиями. Однако в городе Н.Н., где обитала Лидия, ниша сия еще не была заполнена. И вот однажды, затосковав от корректорской поденщины в модном журнале «Я выбираю красивых людей!» (от воинствующей гламурщины, смешанной с воинствующей же пошлостью, челюсти сводило, будто от килограмма подпорченных лимонов, съеденных без сахара), за которую платили удручающе мало, да еще и уверенности в завтрашнем дне не было никакой (многолюдный штат редакции был укомплектован исключительно «своими», за которыми стояли держатели акций и спонсоры, а Лидия была «чужая», за ней

никто не стоял, да и не было у нее ничего, кроме репутации блистательного стилиста – это плюс – и занудной пуристки русского языка – это минус, – но кому в наше время, когда полным-полно всяких редакторских и корректорских программ, эта репутация вообще сдалась?!), она и придумала себе маленький побочный бизнес.

Строго говоря, клиент (г-н Рошин) был совершенно прав, назвав эту затею авантюрой. У Лидии не было никакого доступа в архивы, не говоря уже о спецхране. Она не имела ни малейшей возможности для проникновения в те самые чужие семейные тайны, исследование которых столь залихватски пообещала своим гипотетическим клиентам. Однако Лидия не только любила историю и была блестящим стилистом – она еще родилась на свет ужасной фантазеркой. Наверное, ей следовало бы сделаться писательницей, но вот беда: способности к сюжетосложению у нее были, мягко говоря, весьма средненькими. Она могла напридумывать массу захватывающих подробностей о жизни, манерах, страстях, поведении, одежде и быте людей, однако связать все это единым сюжетом, нанизать эти затейливо приготовленные кусочки на шампур, не побоимся этого слова, фабулы ей никак не удавалось. Познакомившись с ее попытками словотворчества и отметив восхитительную детализацию, издатели очень скоро начинали от переизбытка этих самых деталей зевать и, мысленно назвав автора занудой, писали ей «ответ с отказом» – когда любезным, когда не совсем. В конце концов Лидия оставила мечты о том, чтобы сделаться русским вариантом Дафны Дюморье и Мэри Стюарт (это были ее любимые писательницы). Однако, самонадеянно рассудила Лидия, когда обдумывала свой, выражаясь фигурально, новый бизнес, всякая родословная – это не что иное, как множество разрозненных сюжетных линий, слитых воедино мощным талантом самого гениального на свете автора – Судьбы. Лидия знала, что ей порою (а может быть, и частенько) придется привирать (она предпочитала эвфемизм – напрягать фантазию), однако никаких моральных препон выставлять себе не собиралась. Она сделает все, что сможет, опираясь на максимум реальных, доступных сведений, которые предоставит клиент или которые ей удастся раздобыть. Но если дело дойдет до недоступных, придется-таки напрячь эту самую фантазию. Главное ведь, чтобы клиент получил удовольствие, читая историю своего рода. Главное, чтобы ему стало интересно. Чтобы ему было чем гордиться! И Лидия не сомневалась, что скелеты, которые воленс-ноленс прячутся в каждом шкафу, будут ее стараниями принаряжены в самые пышные одеяния!

А ее творческая, вернее сказать, генетическая лаборатория... Вход в нее будет закрыт для непосвященных. Всякое, в конце концов, ремесло имеет свои тайны, порою даже не слишком приглядные. Например, производство душистого мыла... На самом деле это ужас что такое! Менее благоуханное занятие просто трудно себе представить! И вообще – когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...

Если уж стихи растут из сора и не ведают в том стыда, то родословным сам Бог велел, считала Лидия.

– Кстати, ваша фамилия... – внезапно раздался рядом мужской голос, и Лидия рассеянно воззрилась на его обладателя, о существовании коего уже успела позабыть.

Ох ты, господи, да это же ее клиент, ее первый клиент, явившийся в ее крохотный офис, который она контрабандно оборудовала в собственной корректорской, благо была ее единственной обительницей, а в это крыло здания, которое снимала редакция «Я выбираю красивых людей!», практически никто не заглядывал (господа редакторы предпочитали вызывать скромную корректоршу в свои кабинеты). Лидия, задумавшись об истоках своего дела, начисто о г-не Рошине забыла, а он взял да и напомнил о себе. И правильно сделал!

– Моя фамилия? – осторожно переспросила Лидия. – А что с ней такое?

На самом деле она лукавила. Она отлично знала, «что такое» с ее фамилией...

– Да ничего особенного, – сдержанно усмехнулся г-н Рошин. – Но, честное слово, не каждый день встретишь человека с фамилией Дуглас. Ваши предки были иностранцы?

Лидия Дуглас вспомнила о нейролингвистическом программировании – и тоже улыбнулась, и тоже сдержанно:

– Да.

И умолкла, несмотря на то, что г-н Рошин явно ждал продолжения. Но штука в том, что Лидии просто нечего было ему сказать. Поговорка о сапожнике без сапог в данном случае была весьма уместна! Об истории своей фамилии она ровным счетом ничего не знала, кроме того, что эта фамилия в свое время помешала ее деду поступить в университет, а ее прадеду она вообще стоила жизни. Однако подробности этой трагической истории в семье были неизвестны.

– Да, фамилия этакая... странноватая, – неодобрительно покачал головой г-н Рошин, так и не дождавшись рассказа о фамилии Дуглас, однако тут же расщедрился на снисходительную улыбку: – К счастью, ваша внешность внушает доверие.

Лидия в ответ тоже улыбнулась – довольно кисло, между нами говоря. Нет, ну в самом деле, она совершенно не знала, как эти слова воспринимать. Наверное, как комплимент? В том смысле, что гладенько причесанная голова, закрученные в скромненький узелок русые волосы, круглые очки и демонстративное неприятие косметики, серая водолазка, серая же фланелевая юбка-миди и бареточки без каблучков, со шнуровочкой могли рекомендовать Лидию Дуглас с самой лучшей стороны? Г-н Рошин не мог знать, что подобный прикид (будем называть вещи своими именами!) являлся своеобразным протестом Лидии против упомянутой гламурности ее места работы. На эту самую гламурность у Лидии уже идиосинкразия выработалась, порой при виде глянцевого глянца с лупоглазыми «красивыми людьми», на которых пиджачки от Хьюго Босса сидели в точности как жокейские седла на буренках, у нее натуральные судороги начинались, – вот она и спасалась таким нехитрым образом. И она была просто счастлива, что этот ее заунывный вид внушил г-ну Рошину необходимое доверие для того, чтобы наконец-то перейти к делу.

– Понимаете, Лидия Артемьевна, я тут кое-какие справки наводил и знаю, что бизнес этот, ну, составление родословных, – штука дорогая для заказчика, а для исполнителя – хорошо оплачиваемая. А я в настоящий момент, сказать по правде... – Г-н Рошин выразительно щелкнул пальцами, и Лидия словно расслышала в этом щелканье сакраментальные фразы: «стеснен в средствах», «поиздержался в дороге» et cetera et cetera... – Понимаете, только что в фирме ремонт закончили, да это бы еще ничего, но у жены («у второй жены», – зачем-то уточнил он с затаенной улыбочкой) был день рождения, я ей «Мазду» купил, ну а первая жена (теперь Лидия поняла, зачем потребовалось уточнение) узнала, разобиделась, начала сына против меня настраивать... Пришлось ей тоже срочно машину взять, «Фольксваген», а сына отправить на каникулы в Альпы, на горных лыжах покататься. Сами понимаете, расходы понес немалые. Конечно, поступления на счет идут, но у нас как раз сейчас налоговые отчисления, то да се... Ну, сами понимаете. Кроме того, я ваших способностей, качества вашей работы еще не знаю. Поэтому вот какое предложение: мы пока не станем говорить обо всей родословной, а побеседуем только об отдельном ее фрагменте. Очень небольшом фрагменте. Как вы на это смотрите?

Лидия смотрела на него во все свои серые и довольно большие глаза. Она на него, можно сказать, пялилась!

Рискуя несколько отклониться от хода нашего повествования, скажем, что г-н Рошин этого вполне заслуживал. На вид ему было лет тридцать пять, то есть немногим больше, чем самой Лидии, однако во всей его внешности была видна повадка много испытавшего и очень уверенного в себе человека. Он был не то чтобы красив – он был весьма мужествен. Имел приятные, хоть и неправильные черты, и если лицо его и имело несколько ожесточенное, даже агрессивное выражение, то что же делать, господа, если жизнь, как говорится, такой?! Зато г-н Рошин не разъялся, не обрюзг, не обзавелся вторым или даже третьим подбородком, не

отрастил себе омерзительное пивное брюшко, у него не заплывали глаза и не пробила плешь. Он был неброско, дорого одет, он был богат и добросердечен (купить первой жене дорожную машину только ради того, чтобы не завидовала своей преемнице, – это вам не кот начал!) – словом, он был мужчина хоть куда, и Лидия, честно говоря, давненько сожалела о том, что предстала перед ним в виде столь заунывного синего (серого, если быть точным!) чулка. А впрочем, предстань она перед ним в образе самой очаровательной из всех очаровашек, словно бы только что сошедших со страниц лакового журнала «Я выбираю красивых людей!», это вряд ли побудило бы г-на Рощина взглянуть на нее благосклонно: таких-то он небось видел-перевидел, они небось так и спархивают к нему со всех сторон, словно птицы к святому Антонию... Нет, Лидия, наоборот, должна изо всех сил похвалить себя за то, что оделась со всей мыслимой и немыслимой невзрачностью и голубые глаза г-на Рощина, густо опущенные очень длинными черными ресницами (ирландские такие глаза, очень опасные, надо заметить, для всякого женского сердца!), глядят на нее с доверием и уважением, а вовсе не с каким-то там малопривлекательным намеком.

Лидия с тяжким вздохом похвалила себя, отвела взор от глаз г-на Рощина и спросила:

– О каком фрагменте идет речь? Вы что-то конкретное имеете в виду?

– Видите ли... – Г-н Рощин поерзал на стуле, устраиваясь поудобнее, однако это было невозможно, потому что это было невозможно в принципе, и он смирился. – Видите ли, Лидия Артемьевна, я хочу вам рассказать, с чего все началось. Я хоть и развелся с первой женой, но сына очень люблю. Мы с ним друзья. Я для него на все готов! Летом ездил с ним в Бургундию, это во Франции, – счел нужным пояснить он, и Лидия призадумалась было, обидеться на него за эту «сноску» или нет, но, поразмыслив, все же не стала мелочиться, – гостили у моего бизнес-партнера, Виктора Марше, у которого я покупаю бургундские вина для своей сети магазинов, а у него дом неподалеку от Дижона, шато, можно сказать, все увешанное портретами предков. Дочку его зовут Жюли, с ней мой сын очень подружился, и она ему о своих пращурах рассказывала. Соображая такая девка, четырнадцать лет, всего на два года моего Лёхи старше, а шпарит как по писаному: этот был прево¹ Дижона в тысяча пятьсот каком-то году, этого в конце XVIII века гильотинировали в Париже, этот побывал в России вместе с наполеоновскими войсками, чуть не сгинул в наших снегах, этот погиб при Марне, этот был в Сопротивлении, а этот и вовсе в Святую землю с крестоносцами ходил... Всех и не упомнишь, у них там портретов дам и кавалеров – ну что тебе в Третьяковке! И Лёха говорит мне как-то раз: «Пап, Жюли рассказывала, что Марше этим именем всех старших дочерей называют в честь русской гадалки, которая спасла того наполеоновского офицера, предсказав ему, что мост через Березину будет разрушен, и он ей сначала не верил, а потом в последний момент на лодке переправился в стороне от моста, так и остался жив, и вот теперь весь их род ее как бы благодарит.

– Русская гадалка по имени Жюли? – скептически пробормотала Лидия. – Во времена наполеоновского нашествия? То есть ее звали или Юлия, или, всего вернее, Ульяна?... Французский офицер и русская гадалка... Боже мой, какой сюжет для дамского романа! Однако извините, я вас перебила, – спохватилась она.

– Ну, значит, мой сын мне говорит, – продолжил Рощин. – «Пап, ты говорил, что у нас в семье старших сыновей всегда Алексеями называют, а мы не знаем, почему и в честь кого. Почему мы вообще только про дедушку твоего знаем, который Автозавод строил? А до него разве никого не было? Я хочу про всех своих предков знать, хочу, чтобы у меня тоже их портреты были!» Я как это услышал, у меня прямо сердце кровью облилось. Мне тоже всегда хотелось знать побольше о своих дедах и прадедах! Но теперь все концы оборваны. Дедов ни у

¹ Прево (prevot) – во Франции XI–XVIII веков королевский чиновник, обладавший в подведомственном ему административно-судебном округе (превотаже) судебной, фискальной и военной властью.

меня, ни у бывшей жены никого не осталось, и если ее родители хоть что-то смутно знают о своих предках, то у нас – почти полная тьма.

– Почти? – быстро глянула на него Лидия. – Значит, кое-что все же известно?

– Кое-что. Практически ничего. Отец рассказывал, что в пору его детства хранилась в семье Библия, на которой почти выцветшими чернилами было написано: «Ирины Михайловны Рощиной собственность. 1814 год. Господи, утоли моя печали!» Очевидно, это была моя прапра... – Он махнул рукой. – Уж и не сочту, сколько этих прапра нужно поставить. 1814 год, шутка ли, почти двести лет прошло! Еще в Библии лежал обрывок листка бумаги – желтого, такого истончившегося, похожего на засушенный лепесток какого-то цветка. Наверное, это было письмо, но чернила где расплылись, где выцвели, я помню, там можно было только несколько слов разобрать: «...в честь моего обожаемого покойного супруга... Сегодня два года, день в день, как свершилось самое страшное, самое печальное событие в моей жизни...» Честно признаться, дословно я уже не помню. Да неважно, впрочем! Потом квартиру нашу обворовали, я тогда еще маленький был, пропала и Библия, и этот обрывок. Может, выбросили ее воры, может, букинистам продали – теперь концов не найдешь. Но имя это и дату я очень хорошо помню, и вот почему. В нашем художественном музее выставка сейчас идет – «Картины из частных собраний меценатов и дарителей». Честно вам признаюсь, – Рощин ухмыльнулся, – я в музеи редко хожу, работа, все такое, не до искусства. Меня на эту выставку вытащил все тот же мой французский приятель, Виктор Марше. Он на несколько дней приезжал в гости, посмотреть, как наш с ним совместный бизнес развивается... Может, слышали, сеть магазинов «Марше о вэн», «Винный базар»? Тут игра слов – его фамилия тоже Марше... Прямые поставки из Бургундии, отличное вино, есть ординарное, но есть и двадцатилетней выдержки, настоящие коллекционные образцы!

– Знаете, – сконфуженно призналась Лидия, – вы только не обижайтесь, Алексей Васильевич, но я в винах вообще ничего не понимаю и практически их не пью.

– И правильно, и правильно, – хмыкнул Рощин весьма иронически. – Кто не курит и не пьет... Не зря БэГэ еще в прошлом веке говорил: не пей, мол, вина, Гертруда!

Лидия хотела было уточнить, что слова эти принадлежат не столько БэГэ, в смысле Борису Гребеншикову, сколько некоему ВэШэ, в смысле Вильяму Шекспиру, и сказаны о-очень задолго до прошлого, в смысле, XX века, но решила опять-таки не мелочиться и сдержанно напомнила об утерянной нити беседы:

– Так что там произошло, на той выставке?

– Там был один пейзаж, – сказал Рощин. – Пейзаж да и пейзаж, ничего особенного, ну, природа, ну, погода... Но под ним висела табличка – вот она, я ее в точности списал. – И, достав из солидного кожаного портфеля (на благородно-тусклом, словно бы состаренном времени, замочке было написано: «Dr.Koffer») блокнот в столь же кожаной и столь же солидной обложке, раскрыл его и прочел: – «Эта картина была подарена музею автором, сведения о котором затерялись, поэтому она называется теперь – *«работа неизвестного художника»*. Однако, если судить по манере письма, она вполне может принадлежать кисти малоизвестного живописца Ильи Фоминичнина, примыкавшего к кружку передвижников и бывшего в юности крепостным человеком московской помещицы, вдовы известного доктора Сташевского, Ирины Михайловны Рощиной-Сташевской». А? Понимаете? Я как увидел эту подпись, сразу вострепнулся. Это же надо, какое совпадение!

– Ну да, – осторожно согласилась Лидия. – В самом деле, на книге подпись Ирины Михайловны Рощиной – и тут Ирина Михайловна Рощина... Но на книге стоит 1814 год. А передвижники – это когда? Кажется, 1870-1980-е годы. Долго же она прожила! Почти весь XIX век на ее глазах прошел, какие мемуары можно было бы написать, просто чудо! Но откуда же взялся этот Сташевский?

– Я думаю, – решительно сказал Рошин, – это ее второй муж. Дети у нее – мои предки – были от Рошина, может быть, от того самого, в честь которого у нас всех старших сыновей называют Алексеями, а потом он умер – и она вышла за Сташевского.

– С таким же успехом Рошин мог быть ее братом, – возразила Лидия. – Она просто-напросто не поменяла фамилию после замужества, а присоединила ее к своей девичьей.

– Да ну, вряд ли... – покачал головой Рошин. – Это уж такая редкость была, чтобы сохранить девичью фамилию.

– И все же сохраняли, – возразила Лидия, – если она была чем-то особенно знаменита.

– Ну вы слышали о какой-то знаменитости по фамилии Рошин?

Лидия подумала и честно призналась:

– Нет. Но мы очень мало знаем даже об истории страны, что уж говорить о так называемой частной истории? Можно только гадать о том, почему Ирине Михайловне была так дорога эта фамилия.

– Например, – упрямо сказал Рошин, – это была фамилия ее первого мужа, человека, которого она очень любила, детей которого растила, а за Сташевского вышла... ну, мало ли, просто чтобы жить легче было.

Лидия посмотрела на своего первого клиента с интересом. Да он сам задает ей сюжет! Миф первый: «Алексей и Ирина»... Ну что ж, тем легче будет Лидии сочинить эту историю. Наверное, узнай она каким-то невероятным образом истинную подоплеку отношений первого Алексея Рошина и этой Ирины Михайловны, совладелец сети магазинов «Марше о вэн» будет страшно разочарован, если это окажутся не любовные отношения.

– А почему, если старшие сыновья в вашей семье всегда Алексеи, ваше отчество – Васильевич?

– Потому что мой отец был младшим сыном, – усмехнулся Рошин. – Но его брату Алексею не везло – у него одни девчонки рождались. И я получился старшим сыном в семье. И ношу это имя. А потом так своего сына назвал. И он своего назовет. Вот если бы еще узнать, кем он был, этот Алексей Рошин...

– Если принять вашу версию любви и брака, в 1814 году Ирина Михайловна уже была за ним замужем, – задумчиво сказала Лидия. – Только что окончилась Отечественная война, то есть в России она окончилась, но еще шла во Франции. Очень может быть, что он воевал или даже погиб на этой войне.

– Ага, ага! – радостно согласился Рошин. – Вам надо, короче говоря, подобраться к архивным документам, которые касаются начала 1800-х годов. У вас есть доступы в архивы?

Лидия многозначительно повела бровью. А что ей оставалось делать? Только и поводить бровью! Не признаваться же, что никакого доступа нет и в помине!

– Да все ясно, – кивнул Рошин. – Туда так просто не подберешься. Я что хочу сказать? Я все эти разговоры о своих тратах зачем заводил? Затем, чтобы подойти к теме о гонораре. За информацию об Алексее и Ирине Рошиных я заплачу тысячу долларов аванса. Вы сможете расходовать эти деньги на, как бы это выразиться, смазывание дверей, через которые должны пройти в архив. Потом представите мне отчетец, сколько на эту смазку израсходовано. Это у нас пройдет по графе представительских расходов. А ваш собственно гонорар... Две тысячи долларов вас устроят? Или лучше в евро?

– Лучше в евро, – эхом отозвалась Лидия.

– В смысле, я хочу сказать, в рублях по курсу евро, – уточнил Рошин, и на эти его слова тоже откликнулось эхо:

– ...по курсу евро...

– Вы предпочитаете на счет или наличными?

– ...или наличными...

Рошин подозрительно взглянул по сторонам, словно дивясь, что у такого тесненького помещения такая мощная акустика, и это дало Лидии возможность взять себя в руки. Нет, ну в самом деле, придержи свой восторг! Неприлично, честное слово, так радоваться презренному металлу, вернее, презренной бумаге! Неприлично показывать, насколько тебе осточертело безденежье, насколько ты устала от него. Насколько хочется позволить себе какую-то неожиданную радость – вроде поездки в Турцию, к примеру, где ты никогда не была... Кажется, сейчас уже нет на свете человека, который не съездил бы в Турцию, ты – последняя могиканка. Но эти деньги, которые для г-на Рошина с его привычкой утешать жен автомобилями, сущие гроши, для Лидии – почти сокровища инков и майя, вместе взятые!

Стоп. Их еще нужно заработать. Конечно, ты можешь прямо нынче же ночью взять и сочинить историю любви Алексея Рошина, бравого гусара, и прекрасной барышни Ирочки – как может быть ее девичья фамилия?.. да не суть важно, любую можно придумать, хоть бы Симонова, – Ирочки, значит, Симоновой, которая обвенчалась с Алексеем Рошиным в разгар войны, накануне битвы при Бородине, и он в этой битве погиб, а у нее остался сын, и в честь своего покойного мужа...

Далее понятно. Сюжет незамысловатый, но вполне достоверный и в те времена часто встречающийся. Замысловатость тут и не нужна. Если Лидия нагромоздит слишком много подробностей, Рошин заподозрит выдумку. Только факты нужны, только скупые факты. Нет, капелька романтического флера не повредит. Можно будет «найти» в архиве какое-нибудь письмо – без адреса, конечно, но написанное в духе прощания юной жены с юным супругом накануне боя... Рошин охотно поверит, что это письмо писала Ирина Михайловна. Конечно, он потребует доказательств, однако не слишком-то сложно для Лидии с ее даром стилизации изготовить что-то подобное на потертom бумажном листке, написать текст чернилами и перьевой ручкой (можно даже разыскать настоящее гусиное перо для такого дела!), а потом снять с него копию и предоставить этот ксерокс Рошину. Надо только не забыть, что на архивных документах стоят какие-то штампы, печати – единица хранения номер такой-то... и что-то еще в этом же роде.

«О господи, да ты, подруга, кажется, готова не только фальсифицировать исторические документы, но и печати государственных образцов подделывать?» – словно бы ахнул кто-то рядом с Лидией, но она даже не стала оглядываться в поисках этого нервного человека, она и так знала, что это совесть пробудилась... Поздно, голубушка, поздно! Дело сделано, прелестная пачечка голубеньких тысячных купюр и нескольких желтеньких сотенных уже приятно шелестит в ее неловко вытянутой руке. Надо их поскорей спрятать, пока Рошин не передумал.

Да, в самом деле! Лидия вдруг обнаружила, что клиент смотрит на нее как-то очень странно. Как бы размышляет, что делать дальше: вырвать у нее из руки желто-голубую пачку денег или все же не мелочиться?

Лидия торопливо сунула аванс в карман юбки:

– Вы, наверное, хотите, чтобы я вам расписку дала?

– Да бросьте, – пожал плечами Рошин. – Что я, не вижу, с кем имею дело? Вы не из тех, кто немедленно бросится с этими деньгами в ближайшее тур-агентство и купит путевку в какой-нибудь там турецкий или египетский рай. Вы будете теперь в архиве с утра до ночи сидеть, а сначала, готов спорить, в художественный музей сбегаете, чтобы своими глазами увидеть картину этого бывшего крепостного Ирины Михайловны Рошиной.

– Рошиной-Сташевской, – уточнила Лидия, и Рошин досадливо поморщился:

– Конечно, конечно. Но понимаете, Лидия Артемьевна...

«Сейчас все же попросит расписку», – решила было Лидия, однако на уме у Рошина было что-то другое. Он откровенно мерил свою собеседницу взглядом, словно хотел отыскать, где именно находятся застежки на ее юбке и пуговицы на свитерке. Но если обнаружить пуговицы на свитерке было невозможно просто потому, что их не существовало как таковых, то застежки

на юбке имелись, и Лидия вдруг ощутила предательское желание показать Рощину, где именно они находятся.

«Почему он так смотрит? – подумала она, ощущая, что щеки загорелись. – А что, если он мной заинтересовался? Что, если решил... мы тут одни в кабинете, да и в здании, кажется, уже никого не осталось... а если он захочет...»

Мысли бестолково заметались, не в силах охватить всех возможных и невозможных желаний и намерений Рощина, и тут он вдруг сделал решительный шаг к Лидии:

– Была не была! Я должен вам кое-что сказать!

Лидия медленно потащила с носа очки. Сказать по правде, надобности в них никакой не имелось, зрение у нее было превосходное, без очков она гораздо лучше видела, и они, конечно, только помешали бы ей, если бы Рощин вдруг... если бы он...

Как-то странно на нее этот человек действовал, честное слово!

– Послушайте, – сказал Рощин, – послушайте, Лидия Артемьевна. Я вам сейчас кое-что передам. Вот, смотрите.

И он протянул к Лидии ладонь, на которой лежало что-то темное, как бы заржавелое. Это был ключ.

Лидия снова надела очки. Нет, не для того, чтобы разглядеть ключ – как уже было сказано, она и без очков прекрасно видела! – но чтобы скрыть свое жуткое замешательство.

Да что это на нее нашло? Что это вдруг помutilo ей разум? Как она могла вообразить, что Рощин, богатый, успешный, обремененный деньгами, как иной – долгами, может посмотреть на нее, архивную, так сказать, крысу, серую, признаемся честно, мышку, с непомерным вожделением?! Все-таки одиночество порой сводит женщин с ума, именно что сводит с ума!

Надо надеяться, Рощин не заметил, что в какой-то миг она была просто-напросто готова кинуться в его объятия – даже не кинуться, а натурально броситься! А объятия-то даже и не собирались раскрываться...

Нет, она спятила. Человек, который владеет сетью магазинов, который утирает слезы женам автомобилями, а сыну – поездкой в Альпы... и Лидия Дуглас?! Да он видит в ней не женщину, а... а всего лишь какое-нибудь зачуханное, перемазанное чернилами пресс-папье!

Ну и ладно. Ну и пожалуйста. Не очень-то и хотелось. Подумаешь, какой-то пошлый виноторговец. Был бы хотя бы удалой спецназовец, в этом хоть какая-то романтика была бы!

– Ключ? – спросила Лидия хрипло и откашлялась. – Что это за ключ?

– Представления не имею, – смущенно признался Рощин. – Ситуация, короче говоря, такая. Библия, о которой я вам говорил, и этот ключ – единственные вещи, которые сохранились в моей семье *из прошлого*. Они, так сказать, *дореволюционные*. Меня еще в детстве это слово – *дореволюционные* – с ума сводило. Невероятно волновало! В нем такая тайна была! И никто ведь не мог мне сказать, что это за ключ, от какой он двери. Но я почему-то думаю, что он тоже имеет отношение к Рощину, к Алексею Рощину и к Ирине Михайловне.

– Да почему?! – изумленно уставилась на него Лидия. – С чего вы взяли?!

– А вот с чего. Вот здесь, на головке ключа, – он ткнул ухоженным ногтем в потемневший от времени металл, – в лупу можно отчетливо разглядеть цифры – 1787. Буквы там какие-то есть, инициалы мастера, наверное, но их не разберешь, а цифры видны вполне ясно. То есть по времени он вполне мог принадлежать Ирине Михайловне!

– Мог принадлежать, – кивнула Лидия. – Но мог и не принадлежать...

И она прикусила язык.

Конечно, конечно, это может ровно ничего не значить. Вполне вероятно, что ни Ирина Михайловна Рощина, ни тот, первый Алексей Рощин в жизни не держали в руках этого ключа. То есть в этом можно быть уверенной на 99 целых 99 сотых и 999 тысячных процента. Но нынешний Рощин, Рощин номер два, очень хочет, чтобы ключ, Библия и картина в художественном музее были звеньями одной цепи. Так в чем же дело? Кто платит деньги, тот и зака-

зывает музыку, подумала Лидия, которой не была иногда чужда доля здорового цинизма. Ну да, она вовсе не была столь уж белой (точнее, серой, учитывая цвет ее одежды) и пушистой, как могло показаться на первый взгляд. Впрочем, о ее циничности говорила, даже просто-таки криком кричала сама идея создания этой конторы с символическим названием «Ключ к тайне».

Да и ладно, не в монастырь же она намерена поступить, чтобы строить из себя воплощение чистоты и невинности! Главное, у него теперь есть ключ, у нее есть тайна – и за разгадку этой самой тайны ей заплатят очень немалые деньги. Так что – вперед, Лидия Дуглас! Только вперед!

В смысле, в художественный музей.

Глава 2 Дверь

Картина была как картина, правильно Рошин сказал: примерно сорок сантиметров на пятьдесят, в тяжеловатой для таких скромных размеров багетовой рамке. Весьма тщательно и, как принято говорить, с душой был изображен речной берег с закраиной леса. Ничего особенного, русский пейзаж, столь же прелестный, сколь и типичный: березки в первом осеннем злате, сизая рябь волн, зрелые камыши. Но это только на первый взгляд все в ней было так просто. До тех пор, пока зритель не обращал внимание на песок с отчетливо видными отпечатками следов – мужских сапог и женских туфель.

Лидия, увидев эти следы, даже вздрогнула. Кому пришло в голову назвать это просто пейзажем? Самая настоящая жанровая картина, даром что ни одного человека не изображено. Но эти следы, которые сходятся с разных сторон берега, какое-то время тянутся вместе, сплетаясь, а потом расходятся снова, – это же отражение человеческих отношений, отражение их развития! Ай да художник Илья Фоминичнин, бывший крепостной докторской вдовицы Ирины Михайловны Рошиной-Сташевской! Ай да молодец! Много понимал в жизни!

К сожалению, более ни одного произведения, принадлежащего кисти Ильи Фоминичнина, ни в выставочном зале, ни в каком-то другом Лидия не обнаружила. Ну да, Рошин так и говорил. Но на всякий случай Лидия все же подошла к дежурной и спросила о его картинах.

Немолодая дама исключительно интеллигентного вида (здесь работали только такие дамы, в круглых очочках, блузочках с кружевными воротничками и в седеньком перманенте, словно выглянули из каких-нибудь 50-х годов пережитки старого советского мира) посоветовала обратиться к хранителям.

Лидия поглядела на нее с трепетом. Слово это воскрешало в памяти страницы какого-то фантастического романа (в юные годы Лидия обожала фантастику, читала ее тонно-километрами, потом все это как-то сошло на нет) или фильма. Что-то вековое, невероятно значительное, что-то высшее крылось в этом слове. «Обратитесь к хранителям!» Чудилось, если она обратится к этим самым хранителям, они не просто ответят на вопрос, есть ли в музее другие картины Фоминичнина, но и помогут заглянуть в некие глубины...

Чего? Да времени, наверное.

«На самом деле хранители времени – это архивы, – тотчас отрезвила себя Лидия. – Никакой мистики! И чем выдумывать бог знает что, шла бы ты лучше к архивариусам, на улицу Большую Печерскую, угол Семашко!»

Конечно, она туда пойдет. Вот только представить себе не может, как будет совать какому-нибудь «хранителю времени» купюру в качестве взятки, дабы быть допущенной к анналам...

Ладно, об этом потом, сначала – к хранителям музейным!

Дежурная сказала, что их кабинеты расположены на третьем этаже. Лидия, благоговей, поднялась туда по боковой, очень крутой и очень неудобной лестнице, благоговей, прошла по скрипучему паркету коридора, оказалась у двери с соответствующей табличкой, благоговей, заглянула, никого не обнаружила и остановилась в благоговейной нерешительности. Раздались шаги, и она увидела человека в зеленом комбинезоне, тащившего стремянку. На плече у него висел моток провода, из чего Лидия заключила, что это был весьма прозаический монтер.

– Хранителей ищите? – Он произнес это слово без всякого благоговения. – Да они все в подвал ушли – в картотеку. Это из холла вниз по лестнице, мимо гардеробной пройдете, потом налево и опять налево, в третью дверь.

Лидия поблагодарила.

– Вы туда сейчас пойдете? – спросил монтер. – Скажите им, что свет ненадолго вырублю. Минут на пять, не больше, так что пускай не паникуют, а то поднимут визг, вот не люблю!

Лидия пообещала сказать и спустилась в холл, а потом в гардеробную. Ей казалось немножко странным, что всякий-каждый может вот так, запросто, ходить по такой сокровищнице, какой был в ее глазах областной художественный музей.

Она свернула налево и пошла по длинному, плохо освещенному коридору. Лампочки в настенных бра горели почему-то через одну. Тяжелые, окрашенные масляной краской двери терялись в полумраке. С правой стороны их было много, все они имели вполне бытовой вид, были снабжены табличками с номерами, а с левой стороны дверей оказалось раза в два меньше, и они были, во-первых, не белые, а темно-коричневые, а во-вторых, забраны тяжелыми засовами. Ага, значит, всякому-каждому сюда все же нет доступа!

Это несколько успокоило Лидию. Она шла себе и шла, как вдруг что-то щелкнуло довольно громко – и свет погас.

Вот те на! Монтер выполнил свое обещание, а Лидия еще не успела дойти до хранителей и предупредить их. Сейчас распахнутся двери, из них начнут выглядывать испуганные люди, поднимется тот самый визг, которого так не любил монтер.

Однако прошла минута и другая, а визг не поднимался, и ни одна дверь не распахнулась. И ни звука Лидия не слышала. Вокруг стояла тишина, от которой звенело в ушах.

Она растерянно оглянулась, хотя вряд ли что-то могла увидеть в этой крошечной тьме. От этого слишком резкого движения мгновенно закружилась голова, и она совсем перестала соображать, куда шла и откуда явилась. Лидию даже шатнуло! Она протянула руку в сторону, пытаясь ухватиться за стену, однако рука ушла в пустоту.

Да что за чертовщина?!

– Эй... – негромко сказала Лидия, но голос в этой крошечной тьме прозвучал так странно и даже дико, что она сочла за благо промолчать. Глупо надеяться, что сейчас откроется какая-то дверь и станет светлей. Монтер обещал вырубить свет во всем музее, значит, и в кабинетах темно. Хранители – а по большей части это, конечно, хранительницы, особы женского пола, – небось ужасно перепугались да и сидят теперь в темноте, даже визг поднять не в силах от страха, не то что двери открывать. Придется рассчитывать только на себя – как, впрочем, и всегда. Достать мобильный и включить фонарик, вот что надо сделать!

И тут Лидия вспомнила, что совершила страшную глупость. Она сдала в раздевалку свою довольно большую сумку – так потребовала гардеробщица, – не вытащив оттуда мобильный... А может, руки, как это часто бывало, все же оказались умнее головы? Может, сунули телефончик в карман юбки?

Она проверила карман. Увы, руки нынче сплеховали, так же как и голова. Никакого телефона там не было. Зато там обнаружился какой-то небольшой плоский предмет причудливой формы. Лидия зачем-то потащила его из кармана, хотя понятно же было, что в этой тьме египетской ничего не разглядишь.

Однако она ясно увидела, что на ладони лежит ключ. Ну конечно! Ключ, тот самый, *дореволюционный*, который дал ей Рощин! Лидия прихватила его с собой в самый последний момент, решив показать кому-нибудь в музее: вдруг подскажут, от чего он мог быть – от дверных замков или от мебельных, да мало ли какую информацию могут дать сведущие люди. А в карман положила, чтобы раритет не затерялся в необъятной сумке.

Полно, да тот ли это самый ключ?... Лидия отлично помнила, какой он был – почти черный, заржавелый, потемневший от времени. Она даже почистить его чем-нибудь хотела, да потом решила, что не стоит: в таком виде ключ смотрелся внушительно и романтично, а отчисти его – и окажется какая-нибудь пошлая медяшка. Однако тот ключ, который лежит сейчас на ладони у Лидии, блестит, словно червонное золото. Не мог же он сам отчиститься в ее кармане, верно? Или это какой-то другой ключ? Но как он тогда попал в карман?

Да нет, ключ вроде тот же самый. Вот острый выступ на конце, вот завитки на основании, вот и надпись, отчетливо различимая надпись на головке: 1787... И теперь видны буквы: *ОТ*.

Загадочное словечко. От, извините, чего? От замка? От двери? А может быть, это инициалы мастера? Какой-нибудь Отто Трот? Онуфрий Трофимов? Оливье Троило?

В жизни не угадать. Да это сейчас и неважно. Важно другое – почему он так блестит?!

Лидия растерянно отвела глаза от ключа. Но, видимо, этот блеск что-то сделал с ее зрением, потому что ей показалось, будто впереди блестит еще что-то. Как будто часть темноты обведена светящейся линией...

Ага, решила Лидия, все очень просто. За одной из дверей включилось аварийное освещение. Наверняка такая штука в музее предусмотрена, не может быть не предусмотрена, здесь же все на охранной сигнализации.

Лидия машинально сунула ключ в карман и быстро пошла к двери. Пошарила по ней, пытаясь найти ручку, но не смогла. Нет там никого, что ли, в этом кабинете? Но откуда тогда слышны голоса?

Лидия приложила ухо к двери – и голоса стали отчетливей:

– Да что ж, теперь все это обратно вынуть, што ль, чего туда наклали? Эва! Трудились, трудились, а теперича вынуть?

– И вынешь, Проша, невелика забота. То есть она велика, конечно, да в лихую годину надобно не токмо о себе заботиться, чтобы вовсе не обратиться из человека в зверей, как уже обратились наши погубители.

– Да что вам, батюшка Петр Никитич, до соседского добра? Главное дело, свое припрятали, а там хоть трава не расти. Господин-то Шалабанов, думаете, стал бы ради вас стараться-мучиться? Мы эвон сколь кирпича натаскали, да раствор месили, да стенку клали, чтоб, значит, покрепче да понадежней, а тут он откуда ни взялся со своим сундучищем – припрятchte, значит, и мое барахлишко! А ведь тут и вашему добру, барин, тесно! Его сундучище сверху взгромозди на ящики наши – он небось подавит все, помнет. Да и не проходит сундук евонный в эту щель!

– Значит, Проша, надобно щель расширить, только и всего. Неуж не понятно? Разберешь кладку сверху, пока раствор не схватился, да и поставишь сундук господина Шалабанова прямо на наши перины да подушки. Ничего он не подавит, примнет перины, невелика беда. И довольно спорить, Проша, не теряй времени! Слух прошел, неприятель уж в Москве, покуда будем тут ласы точить, так нас и возьмут за зебры около этой схоронки. Давай-ка покличь Семку, чтобы помог тебе с разбором кладки. А я пойду погляжу, запрягли лошадей или еще валандаются.

– А потом, барин, что делать, когда сызнава все заложим? Надобно кладку забелить будет, я так думаю.

– Забелить-то забелить, только не слишком усердствуйте, а то каждый дурак поймет, что здесь кладка свежая. Поверх побелки замажьте грязью, чтобы со стеной слилось. Ну и доски прислоните тут, чтобы прикрыть свежее. А потом сразу уходите в нашу подмосковную, не сидите в городе, а то достанетесь на поживу душегубу иноземному.

– Поезжайте, барин, все как надо устроим, а с дверью подвальной что сделать, запереть да замок навесить или как?

– Не надо никаких замков, Проша, притворите дверь, да и ладно, лучше сверху мусору навалить, а то ясно же: коли замок, значит, за ним что-то скрывается, а коли скрывается, надо найти. На мусор же, может, и не глянут. Понял?

– Как не понять, барин, все сделаю, что велено. И немедля за вами вслед в подмосковную.

– Ну, счастливо оставаться, Проша, береги себя от злого француза. Храни тебя Бог!

– И вас Бог храни, батюшка Петр Никитич! Доброй вам дороги, авось скоро свидимся.

– Дал бы Господь...

Послышался звук удаляющихся шагов, и снова наступила тишина.

Лидия тупо смотрела на обрисованный светом прямоугольник.

Что за разговор такой странный? А впрочем, все, конечно, объясняется очень просто. За дверью включен телевизор, и кто-то, какой-нибудь музейный работник, втихаря, между делом, смотрит его. Повезло – поскольку в этой комнате есть аварийное освещение, телевизор включился и заработал снова. Идет небось какой-то исторический сериал. Судя по долетевшим до Лидии словам, дело происходит в Москве в 1812 году. Отсюда и упоминание о злом французе. Надо же, какое совпадение... Учитывая, что она непрестанно думает об этом времени, совпадение просто изумительное!

Лидия ощутила неодолимое желание посмотреть, что же это за сериал такой. Она нашла ручку и повернула ее.

И тут случилось нечто странное. Дверь не приоткрылась чуть-чуть, а сразу распахнулась во всю ширину. Лидии ударил по глазам яркий свет, она зажмурилась, а потом ощутила, что ее словно бы тянет вперед. Инстинктивно она попыталась попятиться, но не тут-то было – мигом потеряла равновесие, нелепо замахала руками – да и вбежала в этот слепящий свет.

И тут же глаза перестало жечь. Некоторое время Лидия еще стояла зажмурясь, а потом разомкнула веки.

Новые новости! Никакого слепящего света больше нет. Да и телевизора, между прочим, тоже. Вообще это не комната, а какой-то полуподвал. Полумрак, но в нем вполне различимо окружающее. Деревянная лестница приставлена к какой-то кособокой дверце, расположенной повыше пола. Оттуда и проникает неверный сумеречный свет. Вокруг корзины какие-то стоят, в них вещи, обернутые в тряпки. Вот еще осадистый сундук, окованный железом, мечта антиквара, а не сундук! Наверное, тот самый, который принес сосед... как его фамилия-то? Шалабанов, вот как. Принес и просил поставить поверх барского добра... Куда поставить? А вот в эту щель в стене. Видна свежая кирпичная кладка. Наверное, за этой кладкой то самое барское добро, о сохранности которого так пекся некий Проша. Ну да, Лидия читала в каких-то мемуарах, что перед тем, как покинуть Москву, жители прятали, как могли, свое имущество, чтобы французам не досталось. Ну вот и этот барин – Петр Никитич, как называл его Проша, – тоже велел своим людям понадежней замуровать его добро и пожитки, а тут откуда ни возмись этот Шалабанов со своим несусветным сундуком. Он, конечно, все помнет и подавит, что под ним окажется, не зря Проша не хотел с ним возиться!

Стоп, стоп. Лидия что-то совсем запуталась. Ведь все, что она слышала, происходило в сериале? Почему же она стоит в окружении всего этого, грубо говоря, реквизита, словно из музейного коридора попала непосредственно «в телевизор»? Ну, это бред. Она просто оказалась в одной из кладовых музея. Вернее, в каком-то подсобном помещении. А где телевизор? Что за дурацкие странности? Почему тут перины навалены? Здесь что, отдыхают после трудового дня хранители?

Чушь какая.

А, надо поступить проще. Надо вернуться в коридор музея, и...

Она оглянулась в поисках двери, через которую вошла, но оказалась перед глухой стеной.

«Секундочку! А как же я сюда попала?»

Ну, видимо, через стены прошла.

И опять бред и чушь!

Лидия была так изумлена и растеряна, что даже страха не ощущала. Все происходило словно бы в нереальности какой-то. Полусонное, дремотное оцепенение, овладевшее ею, делало каждое движение медлительным, а мысли – вялыми.

«Я просто что-то перепутала, – внушала она себе, – я, наверное, вон в ту дверь вошла, перед которой лестница стоит. А мне показалось...»

Только в том заторможенном состоянии, в котором Лидия находилась, можно было все-раз подумать такое. И тем не менее она не только подумала, но и шагнула к деревянной

лестнице, и взобралась на нее, вспомнив, что подобное она уже видела когда-то у бабушки в деревне: такая же лестница вела из погреба на поверхность.

Взобравшись по семи-восемью деревянным перекладинам, осторожно перехватываясь руками и стараясь не наступить на подол своей чрезмерно длинной юбки, назойливо лезший под ноги, Лидия с усилием сдвинула неплотно прикрытую дверь, а вернее, крышку, и высунула наружу голову.

И замерла.

Глава 3 Прогулка

Никакого музейного коридора. Кругом тусклый осенний день. Солнцу не проглянуть сквозь дымную пелену, которая затянула и небо, и землю. Где-то что-то горит, да еще как! Трещит и пышет жаром... Почему-то сверху особенно сильно тянет этим жаром.

Лидия подняла голову – да так и ахнула. Прямо над ней горело что-то – сначала показалось, облако. Через мгновение она поняла, что горит узел с тряпьем, выброшенный, очевидно, вон с той резной – какое ретро! – галерейки, окружающей симпатичный деревянный особнячок.

«Где же у нас в городе такие особнячки остались? – призадумалась Лидия, которая все архитектурные достопримечательности своего города чуть ли не наизусть знала, потому что очень любила их. – Надо будет сюда как-нибудь прийти с фотоаппаратом».

Внезапно она осознала, что пылающий узел вот-вот свалится с обгорелых веток и рухнет прямо на нее! Рванулась вперед, упала, стремительно отползла от подвала – и правда, раскаленное облако сорвалось с дерева и рухнуло наземь, именно на крышку подвала.

Лидия вскочила и бросилась дальше, чихая и отряхиваясь: показалось, будто искры, словно разъяренные осы, так и несутся вслед за ней, так и впиваются в одежду и тело, путаются в растрепавшихся волосах!

Она растерянно оглянулась и обнаружила, что стоит на длинной и просторной улице, по обе стороны которой тянулись точно такие же затейливые особнячки, как тот, откуда она только что убежала. Правда, они находились на значительном расстоянии друг от друга и были окружены какие высокими заборами, а какие – низенькими палисадничками. Вокруг царило безлюдье, однако вот до Лидии донесся странный звук, словно бы шелкало что-то. Подумав, она сообразила, что больше всего этот звук напоминает цоканье копыт по булыжной мостовой, причем множества копыт.

«Откуда здесь столько лошадей?» – изумилась было Лидия, но в следующее мгновение впала в натуральный ступор при виде всадников, восседающих на этих лошадях. Всадниками оказались гусары в невероятно яркой, почти попугайно-яркой форме, в которой преобладали синие и алые цвета. Ментики были шиты золотом и украшены черным мехом. Кони все гнедые, как на подбор. Черные кивера лихо заломлены, султаны на них белые.

Лидия смотрела во все глаза, слушала во все уши. Что-то невероятное происходило вокруг. Это собрались статисты для какого-то исторического фильма? Она попала на съемочную площадку? Но, честно говоря, она не могла представить себе несколько десятков статистов, которые так бойко и лихо переговаривались бы на безупречном французском языке. А эти именно что переговаривались, болтали, как могут болтать только люди, совершенно свободно владеющие этим языком. Лидия считала, что у нее хороший французский, но до всадников ей было далеко.

Нет, это не съемочная площадка. Но куда, куда, куда, во имя всего святого, она умудрилась попасть, открыв какую-то дверь в подвале музея?! Честное слово, полное впечатление, что угодила именно в ту самую Москву 1812 года, о которой Проша болтал со своим барином. И вот уже даже французы появились!

– Mon lieutenant, dans l'avant quelques cavaliers!² – долетел до Лидии голос.

– Rien que je vois en cela pour fumer. Ce notre ou Russes?³ – ответил другой голос, явно командирский.

² Мой лейтенант, впереди какие-то всадники! (фр.).

³ Ничего не вижу в этом дыму. Это наши или русские? (фр.).

– Ce qui la a penser? Pour tirer nécessaire, jusqu'à ce qu'elles que les premiers commencent⁴...
– проворчал кто-то.

– Надо осторожно сблизиться. Если русские, успеем открыть пальбу, – возразил командир (тоже, понятное дело, по-французски).

Снова зацокали копыта, но через две минуты раздался радостный крик:

– Это наши! Французы! Да здравствует император!

И с другого конца длинной улицы донеслось, словно эхо:

– Vivat l'empereur!⁵

И отряд гусар, за которыми наблюдала Лидия, поскакал вперед и словно растаял в дымной завесе.

Подогнулись ноги, и Лидия так и села, где стояла. Острый камушек впился в бедро, и эта боль словно бы рассеяла последний флер мечтаний о том, что все происходящее всего лишь снится ей и мерещится.

Это реальность! Она и в самом деле находится в Москве, захваченной французами!

Немыслимо... вместо Нижнего Новгорода вдруг очутиться в Москве, вместо сентября 2007 года – в сентябре 1812-го. Боже мой! Да ведь горящий на дереве узел и этот дым, заволочивший все вокруг, – это проявления знаменитого московского пожара, от которого сгорела чуть не вся столица и погибло множество народу! Надо бежать отсюда, бежать опять в свое время!

Но как бежать?!

Да тем же путем, каким сюда попала. Через дверь в подвале. Нужно спуститься туда и повнимательней оглядеть все стены. Дверь никуда не делась, она должна быть там, в подвале! Лидия ее просто не заметила в том потрясенном состоянии, в котором находилась!

Но в подвал сейчас не попасть. Лаз завален горящими тряпками. Что же делать?..

– Чего стала, дура-девка! – внезапно раздался крик за спиной Лидии. – Побежали!

И вслед за этим кто-то с силой схватил ее за руку и потащил за собой.

Лидия сделала несколько шагов вслед за этим неизвестным, потом начала упираться, пытаясь понять, что с ней пытаются сделать и куда влекут.

– Балда, бежим, а то ничего не останется, все растащат, чего в зиму есть станешь? Или запаслись в обители, успели? Ничего, запас карман не тянет! Невесть сколько под неприятелем жить!

Лидия повернула голову и увидела рядом румяную деваху с толстенной соломенной косищей, со съехавшим на плечи кумачовым платком. На девахе была какая-то несусветная кацавейка из ткани, очень напоминающей мешковину, а из-под нее виднелся сарафан из какой-то невзрачной, тускло-синей материи. «Китайка», – услужливо подсказала память. Где-то Лидия про эту китайку читала... Да хотя бы у Пушкина, в «Барышне-крестьянке»! Лиза, желая переодеться Акулиной, «послала купить на базаре толстого полотна, синей китайки и медных пуговиц, с помощью Насти скроила себе рубашку и сарафан, засадила за шитье всю девичью, и к вечеру все было готово». Наверное, эта китайка сильно линяет при стирке, поэтому сарафан приобрел такой неприглядный вид. Да, непросто им тут приходилось, в пору отсутствия приличных моющих средств!

Лидия с отстраненным изумлением обнаружила, что не ощущает особого шока от того, что переместилась во времени невесть куда, – уже как бы смирилась с фактом. С другой стороны, ну не могло же не оказать никакого действия то огромное количество фантастики, которое она в жизни своей прочла. Готовность к чуду, к невероятному событию была сформирована годами, поэтому теперь Лидии куда легче воспринимать свершившееся, чем сугубому реалисту. А впрочем... кто-то умный сказал, что во всяком человеке всегда жива готовность к

⁴ Да что там думать? Стрелять надо, пока они первые не начали (фр.).

⁵ Виват императору! (фр.)

чуду. Мы ведь все ужасно суеверны, и если не слишком-то удивимся полтергейсту, то почему должны удивляться собственному перемещению во времени?

Вообще сейчас Лидии было не до перемещений во времени, потому что ее перемещение в пространстве осуществлялось как-то чрезмерно быстро. Она не поспевала за девахой в «китайке», путалась в своей длинной юбке, чуть не потеряла туфлю и наконец попыталась прекратить это мучение: уперлась ногами в землю изо всех сил, тормозя, и воскликнула возмущенно:

– Да куда вы меня тащите?!

Деваха стала как вкопанная и повернула голову к Лидии. На ее простеньком курносом лице отобразилось невероятное изумление: белесые бровки изогнулись двумя смешными дужками, розовый свежий рот приоткрылся, даже яркий румянец с налитых щек слинял:

– Матушка Пресвятая Богородица! А это еще кто?!

Лидия пожала плечами. В самом деле, как ответить? Признаться, что ты корректор глянцевого журнала «Я выбираю красивых людей!»? Или вот так прямо, весомо, грубо, зримо и ляпнуть: «Я из агентства „Ключ к тайне“, невзначай свалилась в 1812 год из 2007-го. Здравсьте, как поживаете?»

Между тем деваха отпустила ее и поклонилась в пояс, причем косища ее свесилась до земли и даже слегка подмела пыль распутившимся кончиком. Лидия с живейшим интересом тарасилась на деваху – все же впервые в жизни наблюдала поясной поклон не в кино или театре! И, если честно, впервые этот поклон отвечивали ей!

– Простите великодушно, барыня, – плаксивым голосом проговорила деваха, выпрямившись. – Не иначе, бес попутал. Сдуру помстилось, что вы – Феклуша из обители Всех Святых. Одежка ваша сильно с монашьей схожа, ну, я, по дурости нашей великой, и приняла вас за Феклушу. Не гневайтесь, Бога ради.

– Ничего страшного, – пробормотала Лидия, немало ошарашенная тем, что ее можно было принять за монахиню. Неужели ее внутренняя зажатость, привычка к одинокой жизни, некоторая душевная, не побоимся этого слова, угрюмость до такой степени себя выдают?! Или в самом деле виноваты только длинная юбка да бесформенный свитерок? – Не беда, я ничуть не сержусь. А куда вы так спешили? Меня куда тащили?

Деваха хихикнула:

– Ой, барыня, да вы, видать, не в себе с перепугу-то! С чего это мне выкать затеяли? Хорошо, не слышит никто, а то подняли бы на смех: Танька-то наша боярышней заделалась, глядишь, еще и по отчеству величаться станет! Не срамите меня, барыня, Христа ради, говорите по-людски, тыкайте, как в миру и положено, а то я со стыда сгорю!

И она, словно и впрямь от непомерного смущения, прикрылась довольно чумазой ладошкой.

Ну да, сама себе кивнула Лидия, эта девушка, как выразился бы г-н Рошин, *дореволюционная*, вот и психология у нее соответствующая. Октябрь 1917-го еще даже и не маячит в невообразимых далях грядущего, а идеи Французской революции с их *liberte, egalite, la fraternite*⁶ практически неведомы в России. Зарубежные походы русской армии впереди, и проникновение иноземной вольнодумной заразы в умы передовых офицеров, а с их помощью и в дворянские круги – тоже. Простонародье же о равноправии и слыхом не слыхивало!

Повезло ему, однако...

Тем временем Танька уже справилась со своим смущением и была явно не расположена просто так стоять посреди улицы и, выражаясь языком ее времени, ласы точить.

– Ну, вы как хотите, барыня, а я побегу, – сказала она, аж притопывая от нетерпения пыльной босой ногой. – Делу время, потехе час. Ряды торговые на Красной площади горят.

⁶ Свобода, равенство, братство (*фр.*) – лозунги Великой Французской революции.

Наши сами подожгли, отступая. А в них товару, добра всякого – видимо-невидимо! Там французы грабят, глядишь, и нам чего достанется!

– А ты не боишься? – спросила Лидия изумленно. – Не боишься французов?

– И-и, мамыньки мои! – как-то очень уж по-старинному и залихватски отозвалась Танька. – Чего их бояться? Те же люди небось, что и мы. Они едут веселые такие, мамзелями нас кличут. Раньше только барышни мамзелями звались, ну а теперь, вишь ты, и нам, девкам, перепало. Прощевайте, барыня! – крикнула Танька, уже срываясь с места. – Не поминайте лихом!

И она со всех ног помчалась за угол, в дым и пыль.

А Лидии вдруг так страшно сделалось стоять одной на этой пустынной улице, вдыхая запах разгорающегося пожара, что она невольно кинулась следом. Повернула за угол – да так и замерла, изумленная.

Перед ней была церковь с распахнутыми настежь дверьми, и Лидии виден был большой, красиво украшенный, словно по большому празднику, алтарь. У престола горело несчетное множество свечей, виднелись коленопреклоненные фигуры молящихся. Москвичи искали спасения и утешения в молитвах, а между тем на улице вокруг этой тихой обители творилось неведомое что. Мимо Лидии то и дело бежали французские солдаты, обремененные тяжелой ношей. Они тащили огромные штуки материи и целые сахарные головы – их Лидия видела впервые в жизни, это оказались такие комковатые глыбищи, весьма неприглядные, надо сказать, даже трудно было представить, что это тот самый сахар, который кладут в чай или кофе. Да и еще ведь в былые времена предпочитали пить вприкуску, а не внакладку, но Лидия вряд ли рискнула бы взять в рот хоть кусочек этого неприглядного лакомства!

Делая для себя такие маленькие этнографические открытия, она осторожно двинулась вперед, чувствуя себя все так же странно и нереально, как прежде. Не то, думалось Лидии, она смотрит какой-то сериал, не то находится в самой гуще реальных событий. Чем дальше она шла, тем больше видела солдат, тащивших мешки и узлы. Что-то бросали на землю, потому что слишком тяжело было нести, так что тут и там валялись ткани – бумажные, бархат, кисея, парча, дымка – многим Лидия названия не знала! – и также хлебы, окорока, сырные головы, мешки с крупой и мукой, жбаны с маслом, на которые то и дело налетали, опасливо оглядываясь, лихие девки, вроде знакомой Лидии Таньки, и не менее лихие парни. Французы никого не трогали, лишь изредка норовили схватить какую-нибудь девку за юбку, но, поскольку руки были заняты добром, все ограничивалось зубоскальством и галантными восклицаниями вроде:

– *Vos yeux, beaute russe, ont perce mon coeur, comme si poignard espagnol! Vous vous arrkterez, je veux ameliorer plutft examiner vos jambes!*⁷

Чем дальше шла Лидия, тем сильнее валил дым. И вот она увидела огромный, невероятный костер, в котором почти невозможно было разглядеть очертаний здания. Внутрь обрушивались горящие балки. Впрочем, огонь еще не тронул галереи, которые шли вдоль основного здания; в этих галереях и хозяйничали солдаты. Они взламывали крышки сундуков, разбивали кассы и делили между собой добычу.

Французы грабили очень деловито и, можно сказать, мирно, никто не дрался – наверное, потому, что всего оказалось так много, что можно было насытить самый алчный аппетит. Слышался только треск пламени, грохот выламываемых дверей да страшный гул, когда обваливался кусок прогоревшего свода. Снизу, сквозь железные настилы пола, столбами вырывалось пламя, и Лидия поняла, что это горит добро, спрятанное в подвалах торговых рядов.

«Французы вошли в Москву 2 сентября, – припоминала Лидия то, что знает из истории каждый. – Значит, сегодня 2-е или 3-е. Уйдут они только 7 октября... Все еще впереди:

⁷ Ваши глазки, русская красавица, пронзили мое сердце, словно испанский кинжал! Остановитесь, я хочу получше разглядеть ваши ножки! (*фр.*).

разруха, грабежи, страх, голод, мучения оставшихся жителей и самих солдат, да и сам пожар московский еще, можно сказать, даже не начинался. Что же может сейчас гореть на Красной площади? – Она не слишком хорошо знала и современную-то ей Москву, вечно норовила заблудиться в ней, что же говорить об исторической топографии, тем паче столь далекой? – Может, здание Биржи? Вроде бы вокруг нее располагались торговые ряды...»

Дальше идти было нельзя – стало слишком дымно, – да и незачем. Чуть поодаль, с наветренной стороны, где воздух был почище, оказалось куда интересней! Здесь французы торговали друг с другом награбленными товарами.

Между солдатами сновала высокая худая женщина с растрепанными полуседыми волосами. У нее был какой-то особенно воинственный и свирепый вид даже по сравнению с мужчинами – наверное, благодаря горбоносому профилю, смуглому лицу и необыкновенно ярким черным глазам. Несмотря на тяжелые морщины, избороздившие ее лицо, видно было, что она некогда была необычайно красива, хотя и грубой, даже жестокой красотой. Теперь же ее заплавленные глаза выражали только необычайную алчность. Она хватала из рук солдат то одну тряпку, то другую, женские платья или куски ткани прикладывала к себе, а мужскую одежду не глядя заталкивала в огромный бесформенный узел, который уже еле могла поднять, так он был набит разным барахлом. И никто не осмеливался с ней спорить. Попытался было какой-то молоденький улан, да женщина так его облаяла, что он даже руки смущенно заломил, а сотоварищи его же на смех подняли, крича:

– Tout, a ce qui rallongera des mains la beaute Fleurance, avec piete est protege! Autrement nous pour ktre affames mourrons! Sechons de la soif!⁸

«Это маркитантка, – догадалась Лидия. – Ничего себе – Флоранс! Ничего себе – цветущая! Это же репейник, а не женщина!»

Однако, судя по всему, Флоранс весьма нравилась солдатам, потому что то один, то другой приносили ей какие-то вещи, за что были награждены звучными поцелуями и самыми грубыми, вызывающими ласками.

На этот содом с тоской и слезами смотрели немногочисленные москвичи, толпившиеся около стен Кремля, словно пытаясь найти там защиту. Ну что ж, наверное, и в самом деле так оно и было, ведь Кремль – святыня для русского народа, удивительно ли, что люди собрались здесь...

Лидия забыла о том, где находится. Она чувствовала себя, словно на некоей виртуальной экскурсии, и пыталась соотнести свои знания по истории войны 1812 года с реальностью. Что-то совпадало, что-то нет – в любом случае это было невероятно интересно!

– Nonne russe! Je veux la nonne russe!⁹ – раздался крик рядом, и Лидия ощутила, как кто-то снова схватил ее за руку.

Но это была отнюдь не Танька. Солдат огромного роста в сбитой набок треуголке смотрел на нее пьяными шальными глазами и орал на чистом французском языке:

– Русская монахиня! Хочу русскую монахиню!

Опять двадцать пять! Лидия оскорбленно поджала губы: да что вы, монахинь не видели, что ли? Они должны все ходить в черном, прятать волосы под клобуками, перебирать четки и иметь на груди распятие. Хотя существовали ведь еще какие-то послушницы, а также и мирские послушницы... В монастырской истории Лидия не была сильна.

Впрочем, у нее не было времени высказать французу свои возражения – тот уже подтаскивал ее к себе одной рукой, а другой задирал юбку. В полном ужасе Лидия отталкивала его, суматошно озираясь, не бросится ли кто-нибудь на помощь к ней. Но от русских она была

⁸ Все, к чему протянет руки красотка Флоранс, свято и неприкосновенно! Иначе мы с голоду пропадем! Иссохнем от жажды! (фр.).

⁹ Русская монахиня! Хочу русскую монахиню! (фр.).

далеко, французов же эта сцена ничуть не волновала, они были заняты своими делами. Только Флоранс одобрительно крикнула:

– *Developpez-vous plus audacieux, mon petit Piero!*¹⁰

Малыша Пьеро не требовалось подбадривать. Его глаза были совершенно безумны. Он пыхтел, как астматик, и если Лидии в былые времена (или правильнее сказать – во времена будущее, ведь год 2007-й находится как-никак в будущем?!) не приходилось сталкиваться с проявлениями неистовой мужской страсти, то сейчас она подумала, что вполне могла бы без этих проявлений обойтись.

– *J’a toi aide, Piero!*¹¹ – окликнул второй солдат.

Пьеро яростно зарычал, погрозил кулаком и потащил Лидию в проулок.

И тут она поняла, что ей сейчас предстоит воистину фантастическое удовольствие – быть изнасилованной человеком, умершим приблизительно двести лет тому назад. К некрофилии она и прежде-то склонна не была – не собиралась и начинать.

– Помогите! Спасите! На помощь, господа! – заорала она что было сил и успела даже немножко удивиться тому, что явилось вдруг откуда ни возьмись слово «господа». Скажем, дома, на какой-нибудь нижегородской улице, и в голову не взбрело бы так крикнуть, а тут... быстро же она в роль вошла, однако! Применилась, выражаясь по-военному, к обстоятельствам!

Правда, никакие «господа» на помощь к ней не бросились. Проулок словно вымер. Очень может статься, что все эти дома вокруг были покинуты своими хозяевами, спасавшимися от неприятеля, ну а может быть, люди сидели затаясь и не имели ни малейшего намерения ввязываться в неприятности. Тем паче что вид у Пьеро был самый лютый, и точно, что он застрелил бы каждого и всякого, кто осмелился бы ему помешать.

Он притиснул Лидию к стене и вжался бедрами в ее бедра – ей показалось, что между ног воткнулся кукурузный початок, – и, как говорится, ни в тех, ни в сех вспомнилось название одного дивного танго – «*El Choclo*», что означает именно «Кукурузный початок». В тексте этой песни нет ни единого упоминания про какой-то там початок, но сейчас Лидия, кажется, поняла, что имеется в виду. Солдат схватился за ворот ее свитера. На мгновение на искаженном похотью лице выразилось что-то вроде несказанного изумления – он явно не мог понять, что надето на «монахине» и как это с нее содрать. Потом, видимо, солдат решил, что так оно и должно быть у русских монахинь, и, оставив бесплодные попытки раздеть ее сверху, принялся осуществлять свою мечту на нижнем этаже. Юбка на Лидии была моментально задрана – и опять насильник впал в откровенный ступор при виде ее ног, обтянутых черными колготками, из-под которых слабо просвечивали розовые трусики в цветочек.

– Отпусти меня, дурак! – завизжала Лидия, но потом вспомнила, с кем имеет дело, и завизжала еще громче: – *Laisse-moi, imbecile!*¹²

«Имбецил» как-то странно хрюкнул, деловито констатировал:

– *Elle parle en français!*¹³ – И принялся стаскивать с Лидии колготки.

– Помогите! Господи боже мой! Спасите меня! – завизжала она на пределе голосовых связок, и, кажется, Бог услышал этот почти ультразвуковой призыв, потому что раздался топот копыт и громовой голос:

– А ну отпусти ее, негодяй! Ты позоришь честь французских рыцарей, которые лучше дадут себе руку отрубить, чем замажут ее грабежом и насилием!

¹⁰ Смелей, мой малыш Пьеро! (*фр.*).

¹¹ Я тебе помогу, Пьеро! (*фр.*).

¹² Отпусти меня, имбеция! (*фр.*).

¹³ Она говорит по-французски! (*фр.*).

Насчет рыцарей – это было хорошо сказано, особенно на фоне вторжения в Россию, кошмарной битвы при Бородине, окончившейся всего-то неделю назад (плюс еще двести лет, но это так, пустяки, не стоит заострять на этом внимание!), разграбляемой Москвы и того непотребства, которое творилось на Красной площади. Однако Лидия не стала вдаваться в подробности этого словоблудия. Ей было довольно того, что солдат выпустил ее и вытянулся во фронт перед гусарским офицером, который наезжал на него длинноногим вороным конем, словно норовя затоптать. Конь воротил морду и фыркал, закатывая глаза, как будто ему и дотронуться было противно до того, кто позорит... и все такое.

– Как вы себя чувствуете, мадемуазель? – поинтересовался офицер, поворачиваясь к Лидии, и она увидела загорелое зеленоглазое лицо с каштановыми усиками, каштановыми же бакенбардами и вздернутым веселым носом. Лоб был низко закрыт кивером. Опять сочетание алого, желтого, темно-красного и золотого ослепило Лидию.

Симпатичное лицо у ее спасителя! И какое веселое! Права была Танька, сказавши: «Они едут веселые такие, мамзелями нас кличут, как будто мы барышни!» Но Лидия не собиралась задерживаться ради того, чтобы разглядеть офицера получше. Повернулась и кинулась наутек, не заботясь о том, что это может быть расценено как черная неблагодарность.

Ей достало ума не бежать по улице, а свернуть за какой-то забор и сразу метнуться в огород, обнесенный плетнем. Она не помнила, как перевалилась через этот плетень и пустилась прочь по мягкой, взрытой земле, кое-где усеянной сухими картофельными будыльями. Наверное, хозяева выкопали картошку перед наступлением неприятеля на Москву. Припрятали, конечно, подальше, дай бог не найдут.

– Погодите, мадемуазель, куда же вы, я не сделаю вам ничего дурного! – кричал вслед француз чрезвычайно обиженным голосом, но Лидия сейчас могла радоваться только одному: чтобы не сломать ноги коню, офицер не пошлет его через плетень, а значит, она в безопасности.

Впрочем, Лидия понимала, что безопасность эта длится лишь до поры до времени. Солдаты, конечно, оголодали без женщин, повальное насилие – самая обыкновенная вещь в захваченных городах. *Vae*, так сказать, *victis*, горе побежденным... Ей нужно спастись, и как можно скорей. Нужно вернуться в тот двор, где находится подвал, в глубине которого кроется дверь, ведущая назад, домой, в свое время. Но сначала – переодеться.

Какое-то чудовищное вожделение вызывал ее нарочито скромный наряд у французов! Может, потому, что очень отличался от тех, в которых в основном ходили другие женщины? И французы, которые во все времена были падки до женских платьев, усмотрели в нем особую элегантность будущего?

Да нет, вряд ли стоит обольщаться: все дело в том, что одежда Лидии напомнила солдату монашескую одежду. Так сказать, оговорка по Фрейду: видимо, он всю жизнь мечтал обладать монахиней, вот Лидия и попала под горячую руку. Нет, надо переодеться во что бы то ни стало. Но где бы взять новое платье? Да ладно, пусть оно будет даже и не новое, Лидии главное выбраться сейчас из этих картофельных будылев, миновать проулок и выйти на улицу, которая идет от Красной площади. Какая это улица? Вроде бы в наше время ее уже нет... Но это не суть важно, о том, что есть и чего нет в нашем времени, Лидия подумает потом, когда туда вернется, в это самое *свое время*.

Так, переодеться, переодеться... Ну, среди изрытых грядок одежды не найдешь, нужно выбраться тайком на улицу, там валялись кучи разбросанного барахла, вряд ли его уже все подобрали. Хорошо бы найти что-то вроде широкого такого женского плаща, который называли епанчой. Тогда можно будет не переодеваться вовсе.

Глава 4 Новые наряды

Лидия снова перевалилась через плетень и осторожно двинулась вперед, в проулок. Смеркалось, и дымная завеса постепенно принимала тускло-синий оттенок. Ого, нужно потопиться. В темноте не так-то просто будет найти нужный подвал, а в подвале без света вообще не разберешься. Задерживаться же в этом невероятном приключении до утра Лидия никак не собиралась. На улице ночевать, что ли? В сентябре ночи холодны, даже если дни теплы. К тому же, насколько она помнила из фантастики, соотношение времени в мире прошлого и будущего совсем не всегда совпадает. Вот смех-то будет, если за тот час-другой, что Лидия шляется по Москве 1812 года, дома пройдет, к примеру, два года, и она заявится куда? Ни квартиры, ни работы, числится в пропавших без вести, родители все глаза выплакали, немногочисленные подруги периодически собираются, чтобы помянуть ее незлым, тихим словом (еще не факт, между прочим!), а первый клиент «Ключа от тайны» господин Рощин давно списал на форс-мажорные обстоятельства потерю тысячи евро в рублевом эквиваленте...

Паника охватила Лидию, как пожар – сухую березку. Она кинулась со всех ног, решив положиться на судьбу и не тратить времени на поиски подходящего костюма, однако через несколько шагов чуть не упала, налетев на пухлый узел. Наверное, его кто-то обронил, в панике покидая Москву. Или с воза он свалился. Лидия увидела торчащий из узла краешек чего-то синего, бархатного – и не смогла совладать с любопытством, развязала узел.

Вот те на... Да ведь это женская одежда! Платье синего бархата с длинными рукавами, стиль... как же это называлось, тюник, что ли, под грудью перехвачено, вниз мягко расширяется. Еще платье такого же фасона – бледно-голубое, легкое, чуть ли не газовое, на зеленом плотном шелковом чехле. Удивительный цвет получается от сочетания голубого и зеленого... Рукавчики сверху буф, ниже, к кисти, мягко сужаются. Это платье очень нарядное, может быть, даже бальное. Шелковые и бархатные туфельки с лентами, очень напоминающие балетки, под цвет платьям. Сорочки – две. Панталоны, чулки... с ума сойти!

На мгновение забыв обо всех опасностях, Лидия разглядывала одежду и белье с острым любопытством. Отчего-то раньше она думала, что панталоны должны быть очень громоздки и нелепы, чулки – грубы, а из всех швов платьев должны торчать булавки, которые там оставляют нерадивые портнихи, чтобы мгновенно подколоть платье прямо по фигуре дамы, ежели дурно сидит. Однако все, что держала сейчас в руках Лидия, отличалось превосходным качеством и сшито было с превеликим тщанием. Ну как тут не скажешь – ручная работа! *Дореволюционная!*

Столь же очаровательна оказалась черная суконная епанча – во всяком случае, Лидия решила, что плащ, в который было завернуто добро, должен называться именно так.

Лидия понюхала одежду и белье. Все было безукоризненно чисто, чужим телом не пахло, только чистотой и – едва заметно – цветущей липой. Очень может быть, что саше, которыми были переложены эти вещи, наполнили не лавандой, как это часто водилось в старину (запах лаванды Лидия недолюбливала), а сухими цветками липы. Почему-то принято считать, что их только при простуде заваривать надо, а между тем саше с ними получают удивительно благоуханные!

Лидия стояла в сгущающихся сумерках, перебирая вещи и вдыхая тонкий аромат, и не могла сдвинуться с места, не могла одолеть искушения померить новые наряды. Конечно, надо спешить... Но эти вещи не просто так оказались валяющимися на дороге именно тогда, когда Лидия хотела во что-то переодеться. Их словно бы подкинула сама судьба, которая все-таки заботилась о Лидии, хотя забросила ее невесть куда одну-одинешеньку, без копейки денег, даже без мобильного телефона!

С другой стороны, куда бы Лидия по этому мобильному звонила? Вот уж чего точно не было в Москве 1812 года, так это сотовой связи. А вдруг да и сработал бы телефончик для

соединения с годом 2007-м?! И г-н Рошин получил бы эсэмэску от Лидии Артемьевны Дуглас: «Привет из плюсквамперфекта образца 1812 года! Иду по следу вашего предка!» Ну и что? Пожал бы плечами, счел, что она спятила или шутит так глупо, вот и все...

Тем паче что ни по какому следу Лидия не идет. И не до следов ей, если честно. Не до расследований! Нет, конечно, если бы она точно знала, что вот в таком-то доме найдет Алексея Рошина или Ирину Михайловну, она туда, очень может быть, и сходила бы. Только глупости это. Алексей, конечно, сейчас в действующей армии, Ирина отсиживается в каком-нибудь тульском или владимирском имении... Нет, никакой сыскной азарт Лидией совершенно не владеет. Не такая уж она авантюристка, оказывается. Она обыкновенная трусиха. А любой другой человек на ее месте был бы просто счастлив выпавшей удачей и как следует обшарил бы окрестности времени, в которое ненароком попал. Еще и сувенирчик бы привез на память о невероятном путешествии.

Нет, с сувенирчиками надо быть поосторожней. Очень страшный есть рассказ Брэдли и еще более страшный фильм по этому рассказу – «И грянул гром». Там всего лишь бабочку какой-то хронотурист раздавил в юрском периоде – и все, мир накрылся! А возьмишь на сувенир, скажем, акварельный портрет Алексея Рошина – и...

Глупости, лучше не думать об этой ерунде, тем паче что до самого Алексея Рошина, а также до его акварельного портрета Лидии вовеки не добраться. И еще неизвестно, существует ли вообще его акварельный портрет. Сам-то Алексей Рошин где-то живет, конечно, а может, и не живет, может, уже нашел свою судьбу на поле Бородинском, вернее, судьба его нашла...

Размышляя таким образом, Лидия как-то отвлеклась от окружающей реальности. С женщинами это частенько случается, когда в руки им попадает интересенькая тряпочка. Вот и Лидия даже не заметила, как и когда успела совлечь с себя собственную одежду и бельишко и надеть батистовые панталоны, такую же сорочку, сверху платье, подвязать ленты под грудью (бюстгальтеров в ту пору не носили, свой она почему-то тоже сняла, какого-нибудь завалящего корсета в узле не обнаружилось, а впрочем, с грудью у Лидии все было в порядке, еще не имелось оснований на сей счет беспокоиться, и бюстгальтер исполнял при ней роль скорее декоративную, нежели сколько-нибудь функциональную) и натянуть чулки с подвязками – ужасно неудобная штука, точно сваливаться будут... судя по *дореволюционным* романам, особенно французским, дамы сплошь и рядом останавливались приподнять юбку и поправить подвязку, причем это не считалось чем-то неприличным, хотя и весьма восторгало окружающих мужчин.

Одежда, насколько Лидия могла судить, сидела на ней превосходно – оставалось только остро жалеть, что нет зеркала, в котором можно увидеть себя а la 1812 год. С обувью оказалось сложнее. Бархатные черные и шелковые голубые башмачки непременно должны были порваться через десять шагов по той пересеченной местности, которую представлял собой незамощенный проулок. Поэтому Лидия натянула на тонкие, сплетенные из невесомого шелка чулки свои туфли, благо они были из тонкой кожи, без каблука (типичные «балетки») и не слишком-то выбивались из общего стиля. А все остальное аккуратно связала в епанчу (на улице было еще тепло, несмотря на то что вечер наступал семимильными шагами) и прижала узелок к боку. Показалось, что-то звякнуло о камень, когда она складывала свою одежду. Может быть, выпало что-то из кармана юбки? Да ничего там не было, она вообще в карманах ничего никогда не носила, так что, наверное, и впрямь показалось, решила Лидия – и пошла по улице, чувствуя себя в этой диковинной одежде невыносимо странно... а впрочем, нынче все состоит из странностей, пора уже было привыкнуть.

Вот она дошла до угла и, прижимаясь к забору, выглянула на улицу. И тут же отпрянула – мимо неспешным шагом двигалось огромное количество всадников, не меньше полка, наверное! А может быть, это была даже дивизия, а то и целая армия – множество, словом, кавалеристов!

Конечно, сейчас на улицу не стоит соваться. Лучше переждать. Кто их знает, может, у них, у этих гусаров или уланов, в заводе хватать первую попавшуюся женщину (даже если это не *la ponne russe*, не русская монахиня) в свое седло и увозить невесту куда – на поруганье. А *la guerre comme a la guerre*, на войне как на войне! Быть поруганной Лидии не хотелось, поэтому она смирно стояла себе, прильнув к забору, и, зевая, выжидала. Нет, честное слово, спать хотелось просто ужасно. Она устала, да еще и обессилела совершенно. Получается, за весь день у нее и маковой росины во рту не было. Убежала в музей, забыв позавтракать, а потом начались эти хронопертурбации. И неизвестно, когда поест, неизвестно, что и где... Темнота сгущается, сколько сейчас может быть времени? Да не меньше девяти, половины десятого как пить дать. А кстати, пить-то как хочется, боже мой...

Когда они там пройдут, эти французы? У них что, смотр войск? Колонны всадников перемежаются фурами, которые тянут упряжки лошадей. Вozy с сеном, с мешками... Неужели Лидии повезло наблюдать, как наполеоновская армия входит в Москву вслед за передовыми отрядами?! Да уж, повезло... Только уже почти не видно ничего. Некоторые всадники, правда, едут с факелами, но толку с них чуть.

А если это еще на час или два? Нет, она столько не выдержит... Может, прикорнуть где-нибудь, а потом, когда дорога станет свободной, пойти искать тот двор и тот подвал?

Лидия гнала от себя мысль, что ей вряд ли удастся найти обратный путь в кромешной тьме, которая медленно, но верно опускалась на Москву. Да и страшно будет идти, наверное. И мало ли какие тати ночные будут шляться... Надо найти такое место, чтобы можно было прикорнуть до утра.

Не постучать ли в какой-нибудь дом? Пустите, дескать, переночевать, люди добрые? А ну как попросят заплатить за постой? У нее в кармане ни гроша, ни медной полушки. Кстати, что такое полушка? Чего она – полушка? Копейки, что ли? Нет, нет, кажется, была полушка медной деньги, равная именно копейке, существовала также полушка серебряная, а еще имелаась в конце XIX века полушка ценностью в четверть копейки. Мама дорогая, что ж на нее можно купить?!

А зачем отягощаться этим вопросом, если все равно в кармане *ни полушки*? Да и карманов-то в этом бархатном платице, так ловко сидящем и таком приятном на ощупь, вовсе нет.

Размышляя таким образом, Лидия осторожно двигалась вдоль заборов. Дома стояли темные – нигде ни огонька. То ли от страха хозяева даже лучинки не зажгут, не то что свечечки, то ли ушли все из Москвы. Да, вполне может быть, что дома эти покинуты, пусты, а значит, туда можно зайти и переночевать бесплатно.

Может, в самом деле попытаться? Только как бы войти, дома-то за заборами, а калиток в этой тьме не найдешь... Луна бы вышла, что ли. Или еще рано для нее? Или дымом затянуто небо, поэтому ни зги не видно?

Лидия некоторое время шла, ведя рукой по заборам, рискуя занозить руку, но вот заскользили под ладонью не просто гладко оструганные, но как бы отполированные временем плашки, а потом тихо звякнула щеколда.

Калитка! Повезло... Хотя еще не факт. Если щеколда заложена изнутри, значит, не откроешь.

Щеколда и в самом деле оказалась заложена изнутри. Лидия попыталась просунуть в щель между калиткой и воротинной палец, но его длины явно не хватало. Щепочку бы или веточку какую-нибудь найти...

Присев на корточки, Лидия похлопала ладонью по пыли вокруг себя. Ага, на московских улицах того времени все, что угодно, можно найти, оказывается. Хочешь – узел с симпатичненькими тряпочками, хочешь – веточку, которая как раз сгодится для того, чтобы просунуть ее в щель и приподнять щеколду.

Отлично! Дело сделано! Теперь можно войти во двор.

Она так и сделала, но через несколько шагов остановилась, ощущая под ногами плотно утоптанную землю. Впереди угадывались очертания довольно большого дома. Ну что, рискнуть подойти к нему? А вдруг...

Вдруг что? Французов тут точно нет, а со своими всегда можно договориться. Кроме того, почти наверняка в доме никого не окажется, иначе хоть один огонечек да проблеснул бы в окошке.

Лидия сделала еще несколько шагов, и в это мгновение из-за дымно-облачной пелены вдруг выглянула луна. Светила она тоже какое-то мгновение, но Лидия успела разглядеть очень красивый двухэтажный дом с двускатной крышей, украшенный балкончиками и галереями. Луна отразилась в стеклах, и Лидии показалось, что дом разглядывает ее десятком белых глаз. Это было жутко, но еще более жуткой показалась внезапная догадка: да ведь если калитка закрыта была изнутри, значит, здесь кто-то есть! Кто-то же закрыл ее, а теперь прячется в доме, очень может быть, наблюдая за Лидией через одно из этих окон...

Она в ужасе рванулась куда-то в сторону, чувствуя себя как под прицелом. Надо бежать! Вернуться к калитке и... В это мгновение луна снова скрылась, и Лидии стало чуть легче. Однако в кромешной тьме, вновь воцарившейся вокруг, она вдруг обнаружила, что потеряла ориентир. Вроде бы дом вон там? Или вон там? А калитка, кажется, в той стороне?

Лидия пошла направо, потом налево, один раз чуть не упала, наткнувшись на высокую деревянную бочку, стоявшую под застрехой какого-то длинного здания – то ли амбара, то ли сарая (бочка была всклень полна, и Лидия напилась с невиданным, неслыханным, каким-то первобытным наслаждением, поразившись вкусу воды), а потом ударилась грудью о поленницу и только каким-то чудом не обрушила на себя кучу дров. Боже ты мой, вот это и называется – заблудиться в трех соснах! И куда теперь идти прикажете?

Лидия вытянула вперед одну руку (второй она прижимала к боку свое имущество) и пошла, сама не зная куда. Снова на что-то наткнулась. Вроде бы огромное корыто, край которого приходился вровень с ее грудью. Пахнет сеном... Как приятно пахнет!

Лидия пошла вдоль корыта, перехватываясь руками, и вскоре обнаружила, что это никакое не корыто, а большая телега, в которой снизу лежит сено, а сверху набросаны пуховики, перины, подушки, причем все это прикрыто толстой попоной. Лежали также какие-то узлы. Очевидно, люди собрались в отъезд, но что-то им помешало. То ли не решились двигаться в путь ночью, то ли, вернее всего, лошадей отняли французы (телега стояла незапряженная).

Ну что ж, отличное место для ночевки! Лидия, встав на колесо, не слишком уклюже взобралась в телегу, но дальше дело пошло легче. Она зарывалась все глубже и глубже, словно опускалась на дно водоема. Тепло, уютное, душистое тепло окутало ее со всех сторон, голова сладко кружилась от аромата сена. Наконец Лидия устроилась чуть ли не на дне телеги, подоткнула под себя со всех сторон подушки, пуховики, чтобы не дуло, но позаботилась подсунуть нос к щелястому бортику (она не выносила духоты).

«Надо пораньше проснуться, – строго сказала себе Лидия. – Чуть только рассветет – и в путь, пока хозяева, если они все же в доме, не проснулись».

Она закрыла глаза, и мир – реальный, нереальный, прошлого, будущего – без разницы, какой именно, весь мир, словом, перестал существовать для нее.

Глава 5 Поцелуй с незнакомцем

Лидия проснулась от странного ощущения. Как будто кто-то раскачивал кровать, в которой она спала. Лидии, конечно, приходилось иногда проводить ночи не одной ну и... принимать, так сказать, живейшее участие в раскачивании кровати. Но сейчас ощущения сильно отличались от прежних. Во-первых, она была не в кровати, а в телеге, во-вторых, одета, в-третьих, одна. Как ни странно, Лидия моментально вспомнила, почему находится в телеге, вспомнила все, что произошло вчера, но не ощутила по этому поводу особой паники. Как бы смирилась с неизбежным и больше на эту тему не переживала. Гораздо больших переживаний, с ее точки зрения, заслуживало то, что телега двигалась!

Вот те на... Значит, пока она спала как убитая, никак не воспринимая окружающего мира, появились хозяева перин, подушек и узлов, запрягли лошадей в телегу, не замечая, что там спряталась непрощенная гостья (да и мудрено было ее заметить в гряде вещей!), и отправились в путь. Куда? Ну, понятно, что подальше от Москвы. Правильно Лидия вчера почувствовала, что в доме кто-то находился. Хозяева там были. Может быть, они, конечно, не наблюдали за ней, как ей чудилось, но они были и готовились пуститься в путь с утра пораньше. Что и произошло...

Кстати, нет ничего удивительного, что ее не заметили: она так глубоко зарылась в перины и пуховики, что затемно – рассвет едва брезжил, значит, было часиков шесть – никто просто не разглядел, что среди всякого барахла завалялась, скажем прямо, случайная пассажирка. Она до сих пор накрыта с головой попоною. О ее присутствии никто и знать не знает!

Надо, наверное, заявить об этом самом присутствии, причем чем скорей, тем лучше. В планы Лидии совершенно не входило путешествие в какую-нибудь Богом забытую глухомань, откуда выбраться в Москву будет совершенно невозможно. С одной стороны, было бы ужасно интересно хоть одним глазком взглянуть, как жили в этих самых глухих деревнях. С другой – Лидия очень сомневалась, что жили там комфортабельно. Вряд ли ей понравится деревенская ретрожизнь, она типичная горожанка, причем довольно избалованная городскими удобствами XXI, заметьте себе, XXI, а не XIX века. Анаграмма, так сказать, римских цифр, но разница между результатами перестановки – невероятная! Вот и надо вернуться поскорей к своей привычной жизни, в Нижний Новгород сентября 2007 года. Вернуться и...

Лидия замерла. Рядом послышался стон.

Стон?!

Она что, не одна в этой телеге? А может, это скрип колесный? Да нет, явно стонет кто-то...

Лидия осторожно повернулась на другой бок и протянула руку, не видя куда, – в ту сторону, откуда раздавался стон. Сначала под руку попадались только ключья сена и мягкие округлости подушек и перин, но вот она нащупала что-то не столь мягкое и очень горячее, ну просто раскаленное.

Да ведь это плечо! Мужское плечо!

Рядом с ней лежит какой-то мужчина. И не просто лежит, а дрожит крупной дрожью. И тихо стонет...

От изумления Лидия не разжала руку и продолжала держаться за его плечо. Постепенно до нее доходило, что плечо горячее потому, что у человека сильный жар, а дрожит потому, что его бьет озноб. Ему холодно, вот что!

Ничего себе, как может быть холодно под такой грудой пуховиков, которая на них навалена? Видно, этот человек тяжело болен. А может быть, ранен?.. Вполне вероятно. Вот объяснение тому, что он стонет от боли, что его везут спрятанным среди подушек, перин и узлов, что он с головой, как и Лидия, накрыт попоной, что в путь из Москвы тронулись еще затемно.

Телега идет весьма ходко – тот, кто погоняет, очень торопится, знай на лошадей покрикивает скрипучим стариковским голосом:

– Пошли, родимые! Шевелите ногами, голубушки!

Раненый, конечно, офицер, продолжала размышлять Лидия. Его тайно вывозят из Москвы родственники. Можно только гадать, почему они не успели до прихода французов. А может, он только вчера был ранен, к примеру. Ох, бедняга, как ему плохо... чувствуется, еле сдерживает стоны, они прорываются сквозь стиснутые зубы. Наверное, рана воспалена, поэтому такой озноб. Лидия сочувственно погладила дрожащее плечо – больше ничем помочь она не могла. Что-то зашуршало, и ее пальцы накрыла мужская ладонь – такая же раскаленная, как и плечо. Лидия ощутила ответное пожатие, а потом пальцы мужчины перебрались к ее запястью, сомкнулись вокруг него и принялись подтягивать Лидию к себе – медленно, но настойчиво.

«Он обнаружил чужого, – поняла Лидия. – Он хочет мне что-то сказать, но боится, чтобы не услышали снаружи».

Она послушно переместилась, вернее, перекатилась по перине ближе к незнакомцу, и в ту же минуту он повернулся к ней и обнял, прижал к себе.

Дрожь его тела передалась Лидии, и ее тоже заколотило, да так, что зуб на зуб не попадал. А может, это от волнения?..

Заволнуешься тут, наверное! Спросонья, едва глаза продрав, очутилась в объятиях незнакомца мужчины. Может, он, конечно, и ранен, может, у него жар, озноб и все такое, может, ему и больно, однако это ничуть не повлияло на определенные мужские инстинкты. Тема «el choslo», начатая еще вчера, продолжала стоять на повестке дня. Вот именно – *стоять* во всей своей красе и силе!

Лидия в панике дернулась, однако мужчина не отстранился, притиснул ее к себе еще крепче и прошептал, задыхаясь и прижимаясь губами к ее шее:

– Милая, душенька, Иринушка, вовеки не забуду, что ты для меня сделала. Жизнь моя отныне тебе принадлежит и навеки с тобой связана. Горько каюсь, что не тотчас оценил, какого ангела мне судьба послала! Клянусь тебе отныне в вечной верности!

Вслед за тем Лидия ощутила, что на ее правый палец что-то надевают... Да ведь это кольцо! Горячее-горячее, совсем как та рука, с которой оно было снято. Мужчина отдал ей свое кольцо. Зачем? Почему?

Лидия машинально ощупала его. Это перстенок с пятью ставешками – вставными камушками. Она потащила было кольцо с пальца – вернуть мужчине, – однако не успела: он подтянул ее руку к своему лицу, коснулся пальцев горячими губами, а потом прижал Лидию к себе еще крепче – и поцеловал в губы.

Она чуть приоткрыла рот, чтобы возмущенно прошипеть что-то, но вместо этого отдалась во власть его губ. Она напрягла руки, чтобы оттолкнуть его, но вместо этого прижала к себе. И словно бы в забытье впала, живя этим поцелуем, этим объятием, стора в жару его тела. Он мял ей спину, ломал плечи, задыхался, изредка отстраняясь только для того, чтобы шепнуть:

– Я не знал, не знал, какая ты! – и снова наброситься на нее с этими самозабвенными поцелуями.

Лидия все прекрасно понимала... понимала, что незнакомец во власти бреда и ошибки, что он принимает ее за другую, что эти поцелуи принадлежат какой-то Иринушке, что, очнувшись и поняв, с кем лобызался и жарко обнимался, он посмотрит на Лидию с презрением... Она все это понимала! Но совершенно ничего не могла с собой поделать.

Да и не хотела...

Пусть ошибка, но эта ошибка заставляла ее трепетать от счастья и блаженства. Честное слово, если бы он от поцелуев и объятий, пусть жарких, но еще вполне благопристойных, пере-

шел к откровенным непристойностям, Лидия позволила бы ему все на свете! Она довольно ясно давала это понять, так и вдавливаясь бедрами в его бедра, так и поигрывая ими, так и прижимаясь к его напряженной плоти. Но его руки не тянулись к ее юбке, чтобы поднять ее, и какая-то сила все же удерживала Лидию на последнем рубеже стыдливости – удерживала от того, чтобы нашить ширинку на его брюках.

Тем паче что никакой ширинки там не было... ах да, эти же штуки, которые носили в те времена русские (а также и французские, и всякие прочие) офицеры, штаны, сшитые из тугой, тесной лосиной кожи и оттого называемые лосины, застегивались сбоку... как раз на том боку, на котором лежал незнакомец. К застегке, значит, не подберешься, лосины не расстегнешь, не выпустишь на волю то, что так безудержно рвалось оттуда...

Жаль, но что поделаешь... уж придется раскованной женщине из века XXI пощадить стыдливость русского мужчины образца XIX столетия!

Лидия разочарованно вздохнула, продолжая безумно целоваться с незнакомцем, как вдруг ощутимый толчок заставил их оторваться друг от друга.

«Телега остановилась», – краем сознания сообразила Лидия, но какая телега и какое это имеет к ней отношение, она не знала и знать не хотела. Горячие руки незнакомца снова тянули ее в его объятия, и она радостно рванулась к нему вновь, как вдруг над их головами воистину грянул гром – раздался громкий окрик:

– Qui êtes-vous? Où allez-vous? – И тот же голос повторил на ломаном русском языке: – Кто вы? Куда едете?

Боже мой! Французы! Их остановил патруль!

Лидия вздрогнула, и незнакомец прижал ее к себе, но уже не страстно, а защищая, и нежно прошелестел в ухо:

– Не бойся, милая! Я никому не дам тебя обидеть.

Лидия чуть не всхлипнула, так ее растрогали эти слова. Никогда ни один мужчина не говорил ей ничего подобного. Никогда! Какое счастье – слышать такое! Какое счастье – ощущать эти объятия, в которых она может укрыться от всех на свете бурь и невзгод!

– Чего это, барин? – раздался надтреснутый, суетливый голос возницы. – Мы кто? Да разве сам не видишь? Люди мы, добрые люди! Едем себе да едем! Алле, стало быть, да алле!

– Nommez l'endroit de votre destination. Prouvez que vous transportez! – уже с ноткой раздражения скомандовал голос. – Назовите место своего назначения. Покажите, что везете!

– Ась? – чрезвычайно удивился вопросу старик. – Назначения, говоришь? Место? Не пойму я тебя, чего хочешь? Какое тебе транспортэ надо?

– Ce sera suffisant! Хватит! Не надо ломать ду-ра-ка! – совсем уже сердито воскликнул француз. – Подними попона! Слышать меня, старый пес?

– Пес, да не твой! – огрызнулся старик. – Понял? Не твой! Не буду я ничего поднимать! Нашел прислугу!

– Тише, Степаныч. Тише! – окоротил возницу женский голос. – Vous l'excuserez, monsieur le lieutenant. Il est très vieux et il est très idiot.

И тут случилось нечто очень странное. При звуке этого негромкого, робкого и даже испуганного голоса незнакомец, только что крепко обнимавший Лидию, вдруг вздрогнул – и резко разжал руки. И даже слегка отпрянул от нее...

– И к тому же очень злобен! – добавил француз уже значительно мягче. – Впрочем, ради вас, мадемуазель, я готов его простить. Тогда прошу вас объяснить мне, кто вы такие и куда направляетесь. Вы везете продукты? Если да, то прошу меня извинить, но я вынужден реквизи́ровать их в пользу императорской армии.

– Ах нет, нет! – на очень быстром и правильном французском языке возразила женщина. – Никаких продуктов там нет, мсье лейтенант, уверяю вас. Это просто вещи – некото-

рые вещи. Перины, подушки, одеяла, кое-что из моих платьев. Мой слуга везет меня в наше загородное имение, в деревню. А там нет почти никакого имущества. Ну вот мы и везем его...

– Видимо, сена в вашей деревне тоже нет? – откровенно ухмыльнулся офицер. – У вас воз до половины сеном набит! Таких возов я уже наглядился. И не раз убеждался в том, что все русские прячут в сене продукты. Уверен, что, если вы поднимете попону, я найду и бочонки с медом, и окорока, и сыры, и мешки с мукой.

– Нет, нет, ничего такого у нас нет! – задыхаясь от волнения, твердила женщина. – Клянусь, тут только вещи, самые обыкновенные вещи! Прошу вас верить мне!

– Не будем спорить, – неожиданно покладисто произнес офицер. – Вы просто поднимете попону и покажете, что там лежит. Я не буду копать в ваших платьях, клянусь. Но если мне что-то покажется подозрительным, я просто ткну тут и там своей саблей. Хорошо? Договорились?

Девушка, чудилось, обмерла от ужаса, потому что у нее вдруг вырвался даже не крик, а какой-то заячий писк:

– Нет, не надо, умоляю вас!

– Ого... – протянул офицер. – Кажется, дела еще хуже, чем я предполагал. Неужели вы так испугались, что я проткну саблей ваше любимое платье? А может быть, я могу проткнуть не только платье, не только перину и подушку, но и еще кое-что? Вернее, кое-кого? Что и говорить, многие раненые русские офицеры, чтобы не быть схваченными нашими войсками, пробираются из Москвы, выискивая для этого самые что ни на есть неожиданные пути и способы. Судя по ужасу, который выразился на вашем прехорошеньком личике, я недалек от истины! Поднимите попону! Быстро! Не то...

И раздался резкий металлический звук, весьма недвусмысленно свидетельствующий о том, что француз перешел от слов к делу и выхватил-таки саблю из ножен.

– Нет-нет, мсье! – вскричала девушка. – Умоляю вас... не надо. Должна признаться, я вам солгала. Простите, простите меня! Да, да, в самом деле, там, в телеге есть... кое-кто есть, один человек.

Лидия почувствовала, как вздрогнул незнакомец, и порывисто обняла его. «Я никому не дам тебя обидеть!» – чуть не шепнула она, однако он снова отпрянул от нее. Лидия не успела обидеться – француз заговорил, и она снова вся обратилась в слух.

– Кто-то есть? – хмыкнул лейтенант. – Я ничуть не удивлен. Сожалею, но, по закону военного времени, я должен буду арестовать этого человека.

– Нет-нет, она ничего дурного не сделала, клянусь! – пылко произнесла девушка.

– Она?! – оторопело повторил француз.

– Ну да! Там лежит моя сестра! – старательно засмеялась девушка. – Моя старшая сестра Жюли.

Жюли, изумилась Лидия?! Неужели тут же, в этом же сене, в этих же пуховиках, скрывается еще какая-то Жюли?!

Да нет, третьему тут не поместиться. Нет в телеге никого, кроме Лидии и человека, с которым она только что так самозабвенно целовалась. Девушка отчаянно, безумно врет, пытаясь отвести офицеру глаза. Но это же бессмысленно, он не поверит, он непременно сунется в сено, и тогда... по законам военного времени...

– Ваша сестра? – изумился офицер. – Что, в самом деле? Ну, тогда попросите ее выбраться, чтобы мне не пришлось срывать с нее, так сказать, покровы. Мадемуазель Жюли! Появитесь! Мы ждем вас с нетерпением!

– Нет, нет, тише! – зашептала девушка. – Она спит, она тяжело больна, у нее... у нее...

Боже мой, эта бедняжка пыталась бороться до конца, спасая того человека, который лежал под горой пуховиков и которого она пыталась тайно вывезти из Москвы, чтобы избавить от опасности, но вместо этого угодила вместе с ним в самые лапы этой опасности.

– Что у нее? – вновь раздражаясь, спросил офицер. – Что вы еще придумаете, мадемуазель? Оспа у нее? Или чума? Отчего мне нельзя увидеть вашу сестру? Или она приняла мусульманство, и отныне ни один неверный не должен зреть ее лица?.. Хватит! – выкрикнул он так громко, что Лидия вздрогнула. – Хватит врать! Мне это осточертело, должен признаться! Я изо всех сил пытался быть любезным с вами, но вы сами вынуждаете меня к крайним мерам. Или ваша сестрица немедленно покажется нам, или, клянусь, моя сабля...

Он не договорил, потому что Лидия перекатилась к краю телеги, подальше от лежащего незнакомца, и высунулась из-под попоны.

Глава 6 Попутчики

– Ну, господа? – спросила она по-французски самым хриплым и самым сонным голосом, который ей только удалось изобразить. – Что за крик вы тут подняли?!

Ответом ей было изумленное молчание.

Лидия вертела головой, старательно протирая глаза (какое счастье, что, отправляясь в музей и желая произвести самое серьезное впечатление на его сотрудников, она не нарядилась!) и озираясь.

Она увидела, впрочем, именно то, что ожидала увидеть: французского офицера в яркой форме, сидевшего верхом на гнедом коне, а на облучке телеги – бледную девушку лет восемнадцати, нервно стиснувшую у горла края черной епанчи, точно такой, в какую были увязаны вещи Лидии. На голове у девушки была помятая и ужасно неуместная здесь, на этой проселочной осенней дороге, флорентийская шляпка с цветочной гирляндой. Рядом с девушкой сидел старик-возница, сжимавший в руках вожжи. Все трое смотрели на Лидию одинаково вытаращенными глазами.

Точно такое же выражение сделалось у собравшихся вокруг кавалеристов, загородивших им дорогу и оттеснивших телегу на обочину.

Между тем по дороге двигались другие беженцы, не успевшие покинуть Москву вовремя, но не желавшие оставаться «под французом» ни одного дня. Им то и дело преграждали путь солдаты патруля и принимались обыскивать – как пеших, так и тех, кто ехал на возах. Среди солдат Лидия разглядела ту же самую свирепую маркитантку, которую уже видела вчера на Красной площади. Воистину, мир был тесен, или эта жуткая особа оказалась поистине вездесуща. Так же, как вчера, Флоранс первая бросалась на добычу, отнимала все, что ей нравилось, и никто не смел с ней спорить.

– Mon Dieu¹⁴... – пробормотал француз.

– Вы хотели меня видеть? – с вызовом спросила Лидия, вытаскивая из растрепанных волос сено и обирая его со своего синего бархатного платья. – Вы хотели видеть Жюли? Вот она я! – Тут же она вспомнила, что девушка аттестовала ее как больную, и поспешно схватилась за виски: – Ах, если бы вы только знали, как у меня болит голова!

– Что-то не похожи вы на больную, – игриво пробормотал офицер, так и пожирая Лидию оживленными зелеными глазами, которые почему-то показались ей знакомыми. – По вашему платью можно решить, что вы направляетесь на бал, а не в деревню! И щеки ваши, и губки так горят, как будто там, под сеном, вы пылко с кем-то обнимались и целовались! Вы в самом деле там были одна или мне все же проверить?

Лидия увидела мгновенную судорогу, прошедшую по лицу девушки, и ощутила укол в самое сердце. Так вот оно что...

Впрочем, додумывать было некогда.

– Как пошло вы шутите, сударь! – воскликнула она, испепеляя офицера взглядом и по-прежнему недоумевая, почему его лицо кажется таким знакомым. – Какую чушь несете! Неужели не совестно?! Впрочем, у меня в последнее время сложилось самое дурное мнение о ваших соотечественниках. Стыд и совесть вам поистине неведомы! Вчера я вышла прогуляться и посмотреть на въезд ваших доблестных гусар в Москву. Я была одета в самое скромное свое платье, однако на меня набросился какой-то мужлан в военной форме, порвал на мне одежду... Спасаясь от него, я пряталась в каком-то огороде, лежала на сырой земле – ну и простудилась, конечно. Теперь у меня жар, оттого и горит лицо, а это платье – все, что у меня осталось после того, как наш дом разграбили ваши солдаты!

¹⁴ Боже мой... (фр.).

Глаза офицера яростно вспыхнули, и Лидия прикусила язычок. Черт... она взяла неверный тон. Она же не роман читает, в котором в любое мгновение можно перевернуть страницу, где описывается что-то страшное или неприятное, – она находится в самой что ни на есть реальной реальности! И если этот француз разозлится, то не поздоровится не только ей. Прежде всего плохо придется человеку, который прячется в телеге. Тому, кто ее так невероятно, волшебным образом целовал...

Нет, он не должен пострадать!

Надо что-то сделать, как-то исправить положение... И вдруг Лидию осенило! Она вспомнила, где видела этого яркого гусара! Да ведь именно он избавил ее вчера от солдата-насильника, от «мужлана в военной форме»! Но, кажется, лейтенант не узнал «русскую монахиню».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.